

УДК 340.1

doi:10.35853/vestnik.gu.2025.13-3.06

5.1.1.

Обсуждение книги А. П. Семитко «Учение С. С. Алексеева о праве: краткая научная биография»

Дмитрий Владимирович Грибанов¹, Федор Викторович Фетюков²

^{1,2}Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия

Аннотация. 26 июня 2025 г. на кафедре теории государства и права имени С. С. Алексеева УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева состоялось обсуждение – офлайн и онлайн – монографии А. П. Семитко «Учение С. С. Алексеева о праве: краткая научная биография». Автор выступил с вводным докладом. В обсуждении приняли участие ведущие ученые России и ближнего зарубежья: А. Х. Саидов, В. Н. Синюков, В. Б. Исаков, Н. А. Власенко, Н. Н. Тарасов, В. М. Шафиров, М. Ф. Казанцев, Т. В. Кашанина, В. В. Ярков, С. И. Архипов, О. А. Пучков, А. Н. Митин, С. Б. Поляков, С. Э. Либанова, А. А. Соловьева, В. В. Шаханов, Э. Ф. Шамсумова, Н. В. Ядыкина и др. Выступающие отметили фундаментальность работы, ее систематический (в отношении учения Алексеева о праве) характер, а также важное положительное влияние, которое будет оказано ею на российскую юриспруденцию, так как нацеливает студентов, магистрантов, аспирантов, ученых на более глубокое усвоение и – главное – дальнейшее развитие трудов ведущего советского и российского теоретика права – С. С. Алексеева. Т. В. Кашанина назвала книгу научным памятником творчеству Алексеева, А. Н. Митин и В. М. Шафиров, О. А. Пучков, Э. Ф. Шамсумова – научным подвигом, В. В. Ярков и Н. В. Ядыкина поддержали идею автора, назвавшего творчество Алексеева по аналогии с цифровыми процессами – платформой, на которой развивается современная российская юриспруденция. М. Ф. Казанцев зачитал приказ директора ИФиП УрО РАН о награждении А. П. Семитко за его вклад в изучение наследия Алексеева медалью и нагрудным знаком имени С. С. Алексеева. А. П. Семитко выступил с кратким заключительным словом, поблагодарил участников обсуждения и процитировал слова С. И. Архипова о том, что дальнейшее изучение идей великого правоведа будет способствовать развитию российской юриспруденции: «Вперед, к С. С. Алексееву!»

Ключевые слова: С. С. Алексеев, научная биография, учение о праве, право, философия права, юриспруденция, советский период, постсоветский период, восхождение к праву, восхождение прав

Для цитирования: Грибанов Д. В., Фетюков Ф. В. Обсуждение книги А. П. Семитко «Учение С. С. Алексеева о праве: краткая научная биография» // Вестник Гуманитарного университета. 2025. Т. 13, № 3. С. 65–112. DOI 10.35853/vestnik.gu.2025.13-3.06.

A Debate on A. P. Semitko’s Monograph “The Teaching of S. S. Alekseev on Law: A Concise Scholarly Biography”

Dmitry V. Gribanov¹, Fyodor V. Fetyukov²

^{1,2}Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia

Abstract. On 26.06.2025, the Department of Theory of State and Law named after S. S. Alekseev of the V. F. Yakovlev UrSLU hosted a discussion - offline and online - of the monograph by A. P. Semitko ‘The Teaching of S. S. Alekseev on Law: A Concise Scholarly Bi-

© Грибанов Д. В., Фетюков Ф. В., 2025

ography'. The author made an introductory presentation. The discussion was attended by leading scholars from Russia and neighbouring countries: A. Saidov, V. Sinyukov, V. Isakov, N. Vlasenko, N. Tarasov, V. Shafirov, M. Kazantsev, T. Kashanina, V. Yarkov, S. Arkhipov, O. Puchkov, A. Mitin, S. Polyakov, S. Libanova, A. Solovyova, V. Shakhanov, E. Shamsumova, N. Yadykina and others. The speakers noted the fundamental nature of the work, its systematic (with regard to Alekseev's doctrine of law) character, as well as the important positive impact it will have on Russian jurisprudence, as it will direct students, undergraduates, postgraduates, scientists to a deeper understanding and - most importantly - further development of the works of the leading Soviet and Russian theoretician of law - S. S. Alekseev. T. Kashanina called the book a scientific monument to Alekseev's work, A. Mitin and V. Shafirov, O. Puchkov, E. Shamsumova - a scientific feat, V. Yarkov and N. Yadykina supported the idea of the author, who called Alekseev's work by analogy with digital processes - a platform on which modern Russian jurisprudence is developing. M. Kazantsev read out the order of the Director of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences on awarding A. Semitko for his contribution to the study of Alekseev's legacy with a medal and breastplate named after S. S. Alekseev. A. Semitko made a brief closing speech, thanked the participants of the discussion and quoted the words of S. Arkhipov that further study of the great jurist's ideas will contribute to the development of Russian: "Forward to S. Alexeyev!"

Keywords: S. S. Alekseev, scientific biography, doctrine of law, law, philosophy of law, jurisprudence, Soviet period, post-Soviet period, ascent to law, ascent of law

For citation: Griбанов DV, Fetyukov FV. A Debate on A. P. Semitko's Monograph "The Teaching of S. S. Alekseev on Law: A Concise Scholarly Biography". *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Liberal Arts University. 2025;13(3):65-112. (In Russ.). DOI:10.35853/vestnik.gu.2025.13-3.06.*

26 июня 2025 г. на кафедре теории государства и права имени С. С. Алексева Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева состоялось обсуждение монографии А. П. Семитко «Учение С. С. Алексева о праве: краткая научная биография»¹.

Мероприятие открыл **Андрей Владимирович Винницкий, доктор юридических наук, проректор по научной работе УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева.**

Приветствую вас, уважаемые коллеги! Много сегодня с нами добрых знакомых, дорогих друзей. Многим из нас посчастливилось работать вместе с Сергеем Сергеевичем Алексеевым, знать его лично и, я не побоюсь этого слова «посчастливилось» потому, что мое поколение, к сожалению, застало работу С. С. Алексева в меньшей степени. Это были отдельные научные мероприятия. Это была единичная работа с аспирантами, но работа глубокая, важная. Вот эти моменты врезались в память. Слава богу, они запечатлены и фотографиями. Мы вспоминаем с большим уважением деятельность Сергея Сергеевича, важные моменты его жизни, и воспоминания эти – самые теплые. И вот тот повод, который уважаемый Алексей Павлович дал нам сегодня, за что мы ему безгранично благодарны, благодарны за то, что он проделал столь фундаментальную работу и нашел возможность лично провести это мероприятие именно в стенах нашего университета. Это очень важная благородная работа, мероприятие максимально представительное. И труд – монументальный.

Сегодня я бы хотел огласить просьбу университета, просьбу ректората, которая заключается в следующем. Мы уже привыкли, что у нас регулярно проводится много мероприятий, посвященных памяти Сергея Сергеевича, в том числе Алексеевские чтения, студенческие конкурсы, семинары, – все это важно. Но у нас 9 сентября предстоит еще одно очень важное и знаковое событие – открытие памятника Сергею Сергеевичу, и в связи с этим у нас просьба следующая, поскольку памятники бывают рукотворные и нерукотворные. Рукотворный памятник будет открыт в сентябре и нам бы хотелось, чтобы вы нашли силы, энергию, энтузиазм провести еще одно публичное мероприя-

¹ Запись стенограммы см.: <https://disk.360.yandex.ru/i/NVkbHA6s4qHNAg>.

тие для широкого круга молодых ученых, студентов в форме открытого публичного обсуждения, актуальной дискуссии для дальнейшей популяризации наследия Сергея Сергеевича Алексеева. Сегодняшнее событие – это в значительной степени мероприятие именно научное, что очень важно и ценно. Но не менее важным представляется трансляция этих идей для широкого круга молодого поколения преподавателей, студентов, всех тех, кто не имел счастья лично видеть, слышать Сергея Сергеевича Алексеева.

И думается, что наша просьба созвучна с тем, чему в последние годы своей жизни он посвящал много внимания. Сергей Сергеевич издавал не только научные работы, разрабатывая проблемы сущности и ценности права, но и пытался донести свои идеи в доступной для максимального количества читателей форме. Это важно. Работа по популяризации правовых идей очень важна и нужна, она нужна была ранее, нужна и в настоящее время, потому что через нее транслируются фундаментальные правовые идеи будущим поколениям, чтобы молодое поколение знало, видело, понимало, что разработанные Алексеевым идеи актуальны, что они приложимы к сегодняшнему дню и востребованы нашей действительностью.

Вот такая у нас просьба, может быть, по результатам, безусловно, успешного сегодняшнего мероприятия: подумайте о том, в каком виде, в каком составе можно было бы после знакового открытия памятника девятого сентября продолжить дискуссию для самой широкой аудитории. Мы бы хотели привлечь и журналистов, и общественных деятелей для такого научно-популярного обсуждения идей С. С. Алексеева. Нам кажется это важным. Но, безусловно, важна и научная часть, научная дискуссия прежде всего, и она состоится сегодня, с чем позвольте вас поздравить.

Давайте начинать. Спасибо.

Заведующий кафедрой теории государства и права УрГЮУ, доктор юридических наук, профессор Дмитрий Владимирович Грибанов. Уважаемые коллеги! Недавно мы с вами отпраздновали важное, очень важное мероприятие, посвященное 100-летию юбилею со дня рождения Сергея Сергеевича Алексеева. Мы отпраздновали 40-летие кафедры теории государства и права, которую создал Сергей Сергеевич. И теперь кафедра с гордостью носит его имя – кафедра имени Сергея Сергеевича Алексеева. О Сергее Сергеевиче можно говорить очень много: это – великий ученый, великий государственный деятель, это – великий человек!

Я не буду сейчас перечислять все регалии и заслуги уважаемого профессора, члена-корреспондента, потому что их много и в разные времена Сергей Сергеевич Алексеев сделал не только огромный, неопределимый вклад в юридическую науку, причем не только в теорию права, но и в юриспруденцию в целом. Он сделал также колоссальный вклад в государственное строительство нашего Отечества. Но сегодня у нас есть труд, посвященный научному творчеству Сергея Сергеевича Алексеева, фундаментальный труд – «Учение С. С. Алексеева о праве», – который имеет очень скромный подзаголовок: «Краткая научная биография». Но все мы видели, насколько это фундаментальное сочинение, сколько усилий вложил автор в создание этого труда. И разрешите сейчас для презентации монографии «Учение С. С. Алексеева о праве: краткая научная биография» предоставить слово ее автору, ученику Сергея Сергеевича Алексеева, декану юридического факультета, заведующему кафедрой публичного права Гуманитарного университета, почетному работнику высшего профессионального образования Российской Федерации, доктору юридических наук, лауреату премии имени Сергея Алексеева «За заслуги в юриспруденции», профессору Семитко Алексею Павловичу.

Семитко А. П. Спасибо, уважаемый Дмитрий Владимирович! Уважаемые коллеги! Все присутствующие офлайн и онлайн! Спасибо вам за то, что вы проявили интерес к обсуждению книги, посвященной учению С. С. Алексеева о праве², которое было инициировано кафедрой имени Сергея Сергеевича Алексеева, ее заведующим Дмитрием Владимировичем Грибановым. Полагаю, что интерес к обсуждению обусловлен

² Семитко А. П. Учение С. С. Алексеева о праве: краткая научная биография. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2024. 805 с.

прежде всего тем, что за строчками этой книги стоит выдающаяся личность нашего великого современника – Сергея Сергеевича Алексеева³.

Грибанов Д. В. Алексей Павлович, большое вам спасибо! Уважаемые коллеги, Анна Александровна Алексеева очень хотела принять участие, но не сможет, так как ее вызвали на важное совещание в правительстве; она передает всем большой привет, желает успеха в нашей работе. И, уважаемые коллеги, замечу относительно регламента в целом: сейчас у нас нет возможности выступить в формате вопрос – ответ, потому что очень много, как вы видите, пришло коллег, желающих выступить. Но в конце нашего мероприятия, если позволит время, мы с вами к этому формату, возможно, и подойдем, увеличим время за счет моего выступления.

Казанцев Михаил Федорович, д-р юрид. наук, профессор, заведующий отделом права ИФиП УрО РАН. Я бы хотел, тем не менее, задать один вопрос. Сергей Сергеевич в своем неизданном произведении, которое мало кто читал, но мне удалось его прочитать, задается вопросом: что главного сделал он в своей жизни? «Главное, что мне удалось сделать в жизни, – писал в этом неизданном произведении Сергей Сергеевич, – это в конце жизни выйти на важнейшую, ключевую грань понимания права». Так вот, Алексей Павлович, Вы, как самый крупный исследователь творчества Сергея Сергеевича Алексеева, можете сказать, какая та, по Вашему мнению, грань, о которой упоминал мыслитель?

Семитко А. П. Сергей Сергеевич многократно отмечал в своих работах, что право противостоит насилию и защищает человека от произвола, в том числе от произвола государственной власти. Эту функцию начинает выполнять даже самое раннее, архаическое, неразвитое право: уже оно дает определенный заслон полной вакханалии произвола и беззакония. Этой идее, наряду со многими другими, он посвятил свои труды. И далее он ставил себе задачу построения механизма, который бы выполнил эту миссию: юридические конструкции, типы, порядки и модели правового регулирования. Во второй период своего творчества он опирался на догму права, на специальную юридическую теорию, созданную еще в советский период своего творчества. И позже именно из догмы права он выводил мирозданческую, общесоциальную миссию права, состоящую в противостоянии произволу и защите прав и свобод человека. Это он показал и в ходе рассмотрения механизма восходящего развития права, о котором блестяще написал член нашей кафедры теории государства и права Сергей Иванович Архипов в недавно вышедшей книге⁴. Так что, я думаю, он тоже сможет выступить и внести дополнительную ясность в вопрос о том, в чем состоит самое важное и основное, сделанное Сергеем Сергеевичем Алексеевым. Спасибо.

Грибанов Д. В. Спасибо, Алексей Павлович. Уважаемые коллеги! Слово предоставляется Акмалю Холматовичу Саидову, д-ру юрид. наук, профессору, действительному члену Академии наук Узбекистана, иностранному члену Российской академии наук. Нашему, в прошлом, соотечественнику, а ныне представителю братского Узбекистана.

Саидов А. Х. Прежде всего хочу начать со слов благодарности за приглашение на XVIII сессию Европейско-азиатского правового конгресса, за возможность выступить на последних Алексеевских чтениях, а также за приглашение на сегодняшнее крайне важное обсуждение, которое имеет не только российский масштаб, но и получило отклик за пределами Российской Федерации. Огромное спасибо!

Теперь я хочу поздравить всех вас с тремя такими важными событиями. Это 80-летие Великой Победы! И хотя сегодня мы – бывшие соотечественники и каждый народ живет отдельно, та немеркнущая победа – это наша общая победа! Второе. Буквально два дня тому назад исполнилось 80 лет со дня принятия Устава Организации Объединенных Наций, который предопределил 80-летнее развитие мирового сообщества. И третье. 50-летие Совещания по безопасности в Европе. Оно началось в Хельсинки

³ Полностью доклад опубликован в этом выпуске журнала на стр. 56–64.

⁴ Архипов С. И. Правовой прогресс: зарождение, развитие, кризис идеи : монография. М. : Норма : ИНФРА-М, 2025. 272 с.

3 июля 1973 года, продолжилось в Женеве с 18 сентября 1973 года по 21 июля 1975 года и завершилось в Хельсинки 1 августа 1975 года. Это – исключительно важные вехи нашего времени.

Теперь я хочу сказать, что 20 июня ушел от нас великий, выдающийся ученый-теоретик Валерий Васильевич Лазарев. Он был моим другом, соратником, единомышленником. Мы с ним и с участием С. В. Липеня написали три учебника. Первый учебник – «Теория государства и права»⁵ – мы издали и в Ташкенте, и в России. Этот учебник отличается от всех других учебников по теории государства права тем, что в нем используются материалы текущего законодательства трех государств: России, Беларуси и Узбекистана.

Мы писали вместе также книгу «Проблемы общей теории jus»⁶, и можно спросить: почему jus, почему не права? Мы хотели этим названием привлечь внимание читателя. И третий учебник – по истории политических и правовых учений⁷ – в отличие от всех других учебников по истории политических и правовых учений, в том числе от учебника под редакцией академика В. С. Нерсисянца, мы (этот раздел написан мною) дополнили изложением исламской мысли, доведенным до ее современного состояния. Была опубликована очень позитивная рецензия в «Литературной газете», и именно этот момент был особо отмечен. И поэтому я полностью согласен с профессором Н. А. Влащенко, что нужно систематически издавать труды по произведениям наших великих современников.

Теперь я хочу перейти к книге, которую мы обсуждаем. Я должен сказать, что в последнее время начали изучать теоретически наследие советских и российских ученых. Одной из первых работ была диссертация, посвященная Альберту Семеновичу Пиголкину⁸. И это, действительно, очень важно. Мы должны двигаться в этом направлении и дальше.

Я имел счастье быть знакомым с Сергеем Сергеевичем. С ним меня познакомил мой учитель, профессор Владимир Александрович Туманов, который еще в конце 70-х годов на круглом столе журнала «Советское государство и право» предлагал включить в понятие «право» и права человека. И вот тогда Сергей Сергеевич очень активно поддержал его: действительно, говорил он, если мы не будем включать права человека в наше понимание права, тогда зачем все это?

Теперь вернемся к книге Алексея Павловича. Я полностью согласен с ведущим, что это фундаментальный труд на 800 страниц, который назван очень скромно: «краткая научная биография». Я бы сравнил эту книгу по объему с романом Джеймса Джойса «Улисс», где описывается один день одного человека на более чем 800 страницах. Это самый длинный литературный день в мире. Что касается анализа творчества известных ученых-юристов, то из тех работ, посвященных тем или иным ученым, с которыми я знаком, крупнее работы Алексея Павловича я не знаю. И он успешно продолжает российские и советские традиции в изучении наследия в нескольких планах. Мы, например, изучали творчество многих ученых в политическом плане. Но в отличие от такого подхода Алексей Павлович изучает творчество Сергея Сергеевича с точки зрения общей теории права, философии права и теории цивилистики, хотя и в политическом

⁵ Лазарев В. В., Липень С. В., Саидов А. Х. Теория государства и права : учебник / под ред. акад. К. Х. Абдурахманова. Ташкент : Akademiya, 2007. 736 с. ; Лазарев В. В., Липень С. В., Саидов А. Х. Теория государства и права : учебник / отв. ред. К. Х. Абдурахманов. М., 2007. 736 с.

⁶ Лазарев В. В., Липень С. В., Саидов А. Х. Проблемы общей теории jus : учебник для магистрантов юридических вузов / отв. ред. В. В. Лазарев. М. : Норма : Инфра-М, 2025. 656 с. Текст: электронный. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2165975> (дата обращения: 14.07.2025).

⁷ История политических и правовых учений : учебник / отв. ред. В. В. Лазарев. 3-е изд., испр. и доп. М. : Юр. Норма : НИЦ Инфра-М, 2019. 800 с. Текст: электронный. URL: <https://znanium.ru/catalog/product/989952> (дата обращения: 14.07.2025).

⁸ Шубенкова К. В. Теоретико-правовые концепции А. С. Пиголкина : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Шубенкова Ксения Владимировна ; [Место защиты: Сарат. гос. юрид. акад.]. Саратов, 2014. 30 с.

ческом плане тоже. Подобного рода подходы мы должны практиковать и в отношении других наших великих ученых.

Я полностью согласен с Алексеем Павловичем относительно деления творческого пути Алексеева на два этапа. Первый этап – это советский и второй постсоветский, российский. И в этой связи я хочу остановиться только на двух моментах.

Первый момент. Сергей Сергеевич внес огромный вклад в развитие сравнительного правоведения, хотя он и не претендовал тут на первенство и не говорил много об этом. Когда я первый раз, еще 22-летним аспирантом, представил свою статью о типологии правовых систем современности в журнал «Правоведение», то у нас с ним проявились разногласия, потому что Сергей Сергеевич тогда отстаивал теорию исторических типов государства и права. До 90-х годов во всех учебниках по теории государства и права были темы, посвященные историческим типам государства и права. И, действительно, Сергей Сергеевич и другие авторы писали, что социалистическое право – это высший тип права и т. д. И тогда мне трижды возвращали мою статью с замечаниями, а позже Юрий Кириллович Толстой сказал мне, кто был моим рецензентом: Сергей Сергеевич. В итоге мою статью опубликовали в журнале «Правоведение» под рубрикой «Дискуссионная трибуна». И всё же я считаю, что, в отличие от многих, он не был ретроградом или слишком консервативным. Он был новатором, он шел впереди. Поэтому, Алексей Павлович, я полностью поддерживаю идею о том, что надо подготовить и второе издание этой монографии, и там выделить отдельный раздел: «Вклад Сергея Сергеевича Алексева в сравнительное правоведение». И позже, в последние годы своей жизни, он совершенствовал свою позицию в отношении классификации правовых систем, правовых семей. Он откликнулся на требования времени. Это была отличительная черта творчества Сергея Сергеевича. И этот момент Вы тоже очень правильно подметили. Он написал небольшое предисловие к книге Рабеля о сравнительном правоведении, о чем мало кто знает, потому что книга была издана небольшим тиражом в Екатеринбурге⁹ и не распространялась далеко за его пределами. Вклад Сергея Сергеевича в развитие сравнительного правоведения весьма значителен.

Второй момент. Вы очень правильно пишете о вкладе Сергея Сергеевича в возрождение частного права, цивилистики не только в России, но и на всем постсоветском пространстве. Я полностью с этим согласен. Я хочу процитировать одно высказывание Сергея Сергеевича, который писал: «Публичное и частное право – качественно разные области правового регулирования, два разных “юридических континента”, или разные “юридические галактики”»¹⁰. Так образно, это классика алексеевского стиля. И я знаю и Ваши работы, которые легли в основу Вашей книги о вкладе Сергея Сергеевича в развитие гражданского права, частного права, и то, что другие Ваши работы посвящены делению частного и публичного права во французской юридической литературе¹¹. К сожалению, наши юристы очень мало про это знают, и, в принципе, самые основные моменты своего творчества Вы органично включили в свою книгу.

Если Сергей Сергеевич создал современную теорию частного права, то в отношении публичного права я мог бы сказать аналогичное в адрес профессора Юрия Александровича Тихомирова, который в своих нескольких работах, посвященных публич-

⁹ Рабель Э. Задачи и необходимость сравнительного правоведения / Эрнст Рабель ; пер. с нем. под науч. ред. проф. Б. М. Гонгалю; Рос. шк. част. права (Урал. отд-ние). Екатеринбург : Полиграфист, 2000. 48 с.

¹⁰ Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения (2002) // Алексеев С. С. Собр. соч. : в 10 т. Т. 6. М. : Статут, 2010. С. 125–126.

¹¹ См.: Семитко А. П. Исторические корни и современное состояние проблемы «публичное – частное право» во французской юридической доктрине // RUDN Journal of Law. 2021. Т. 25, № 3. С. 562–585. DOI 10.22363/2313-2337-2021-25-3-562-585 ; *Его же*. Деление права на публичное и частное во французской юридической доктрине // Российский юридический журнал. 2021. № 1 (136). С. 126–140. DOI 10.34076/20713797_2021_1_126 ; *Его же*. Частное и публичное право как исходные правовые начала в трудах Сергея Сергеевича Алексева // Правовое государство: теория и практика. 2021. Т. 17, № 4 (66). С. 155–171. DOI 10.33184/pravgos-2021.4.10.

ному праву¹², действительно, создал современную теорию публичного права. И, самое главное, он приводит основные признаки разделения права на частное и публичное: он выделяет пять таких критериев. В этой связи я принципиально не могу согласиться с мнением некоторых ученых-юристов, которые вообще отказываются от традиционного для большинства стран мира деления права на частное и публичное право. И если у меня хватит времени, то я с удовольствием послушаю Татьяну Васильевну Кашанину, которая тоже написала безусловно интересную, очень содержательную книгу о структуре права, где она также предлагает очень много интересного. Поэтому в этой сфере я полностью согласен с ее позицией.

И еще, в отличие от работ советского периода, в последних работах Сергей Сергеевич очень большое внимание уделял современной зарубежной юридической литературе – работам Ганса Кельзена, Рене Давида, Конрада Цвайгерта и других.

Алексей Павлович, Вы абсолютно правильно пришли к двум важным выводам относительно теории деления права на публичное и частное право. Первый вывод: публичное и частное право имеют свой собственный дух, свои исходные начала, принципы, особенности. Причем несмотря на силу, главное место, занимаемое публичным правом в современных правовых системах, частное право – это исторически и логически первая подсистема права, которая заложила его фундаментальные особенности в целом. Указанные две подсистемы права не могут существовать друг без друга, они неразделимы, однако у каждой – свои задачи, функции, свой предмет регулирования. И второй важный вывод, с которым я тоже полностью согласен, и это именно главное, это квинтэссенция теории Сергея Сергеевича: полный расцвет права, в том числе публичного и частного, возможен лишь в условиях, когда они начинают функционировать на прочной основе прав человека. Этот важнейший институт публичного права перестраивает все право в целом, меняет его исходные начала и принципы, в том числе и его начала как права публичного и частного; я с этим полностью согласен.

Завершая свое выступление, я хочу в связи с открытием 9 сентября памятника Сергею Сергеевичу перефразировать строки великого Пушкина и закончить свое выступление следующими словами гения русской литературы.

Ученый дом себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет широкая научная тропа.
Вознесся выше он главою непокорной
Нобелевского столпа.
Слух обо мне пройдет по всей научной сети,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и узбек, и ныне в тренде
Молодой аспирант и корифей наук.

Благодарю вас за внимание.

Грибанов Д. В. Акмаль Холматович, спасибо большое за интересное, творческое выступление. Уважаемые коллеги, разрешите предоставить слово Владимиру Николаевичу Синюкову, проректору по научной работе Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, заслуженному деятелю науки РФ, доктору юридических наук, профессору, лауреату премии имени Сергея Сергеевича Алексеева за заслуги в юриспруденции. Владимир Николаевич, просим Вас.

Синюков В. Н. Спасибо большое, Дмитрий Владимирович! Добрый день, коллеги! Уважаемый Алексей Павлович! Очень рад Вас видеть. Спасибо Вам за приглашение. От души благодарю.

¹² См.: Тихомиров Ю. А. Публичное право : учебник. М. : БЕК, 1995. 495 с. ; *Его же*. Современное публичное право : монографический учебник / Ю. А. Тихомиров ; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М. : Эксмо, 2008. 446 с.

Говорить сегодня о наследии Сергея Сергеевича Алексеева и вообще, очень хорошо об этом ранее было сказано, советских ученых в целом – самое, я думаю, время. И совсем не потому, конечно, что мы вошли в некий такой этап крупных юбилеев по всей стране известных ученых советского периода. А потому, что это люди особенные, это люди, прошедшие войну, и это первые послевоенные поколения, и они, надо сказать, определили советскую, российскую юридическую науку.

Но пришло их время, и не только из-за этих моментов, даже замечательных, великих, а потому, что идеи, которые они высказывали в свое время и которые иногда казались даже немного странными, парадоксальными, сейчас, на мой взгляд, стали действительно востребованными, открывая новые смыслы. Вот эта литература, понимание ее ценности, мне кажется, еще впереди. И книга Алексея Павловича, которая посвящена научной биографии Сергея Сергеевича Алексеева, бьет, на мой взгляд, прямо в самую точку.

По сути, первое, что сделал Алексей Павлович, – это систематическое изложение доктрины Сергея Сергеевича Алексеева, который – думаю, с этим все согласятся – есть центральная фигура в отечественном фундаментальном проведении XX века. В целом важность работы Алексея Павловича, на мой взгляд, состоит и в том, что это еще и вклад в изучение новейшей истории российской правовой мысли – в формирование такой истории.

У нас есть история XIX века, а вот что касается XX века, то его отечественную правовую мысль пока изучают, действительно, несколько разрозненно. И поэтому нужна актуализация доктрины, собирание идей. Далее их использование, применение, в том числе в образовании, на практике. И научная биографии, на мой взгляд, это не только форма пересказа, хотя и это нужно. Правильно говорилось ранее, что это необходимо в первую очередь для молодежи, но это еще и открытие новых смыслов, в том числе аутентичных, которые в свое время не были выявлены, потерявшись за традиционным, обыденным, скажем так, стереотипным пониманием.

Учитывая регламент, коснусь всего трех сюжетов, трех вопросов, которые составляют важнейшие узлы в учении Сергея Сергеевича Алексеева и которые нашли, естественно, отражение в монографии. Первый сюжет касается механизма правового регулирования. Да, эта конструкция вошла в литературу и учебники, но во многом как иллюстрация, как описание процесса правового регулирования: нормы – правоотношения – акты реализации; в лучшем случае как пример системного подхода в праве, который был актуален в науке в 60–70-х годах прошлого века. Вот что Алексей Павлович пишет о конструкции МПР: «Данная теоретическая конструкция переформатировала научную, а вслед за ней и учебную дисциплину общей теории права, придала ей организованный и упорядоченный характер, позволила более глубоко раскрыть логику функционирования правовой системы в целом, а также отдельных ее правовых средств, институтов и субъектов – институтов правотворчества, правоприменения, правореализации; субъектов, творящих, применяющих и реализующих право; разнообразных правовых средств – правосубъектности, юридических фактов, правовых отношений и т. д. <...> Любой классический современный российский учебник по теории государства и права ориентируется в части, посвященной теории права, на раскрытие смысла существования и функционирования указанных правовых средств, институтов и субъектов правовой системы, причем в достаточно строгой и четкой последовательности...»¹³ И вот, обратите внимание, главный вывод: последовательность действий, которая наблюдается в процессе правового регулирования, была открыта и зафиксирована в концепции МПР Сергея Сергеевича Алексеева. В итоге российская юридическая доктрина в конструкции МПР в сравнении, например, с французской представлена «в четкой “механизменной” форме как хорошо “видимая”, логично сложенная, понятная, целостная и очень красивая теоретическая конструкция, вокруг которой организованы

¹³ Семитко А. П. Учение С. С. Алексеева о праве ... С. 180.

практически все основные юридические категории современной российской теории права»¹⁴.

Вот у меня вопрос: но разве можно так понимать идеи МПР сейчас? На мой взгляд, в книге воспроизведен многолетний стереотип. Разве эта идея состоит в упорядоченности правовых средств? По крайней мере, сейчас мы на эту конструкцию смотрим несколько иначе: не как на описание последовательности юридических действий. В XXI веке мы видим значительный рост числа нормативных правовых актов, причем везде, во всех странах, одновременно с отсутствием или деформацией запланированных правоотношений. А вот в реальном поведении далеко не всегда получаем желаемый результат. И это важнейший вывод, в том числе в технологических областях. Что же хотел сказать Сергей Сергеевич своим механизмом правового регулирования?

Становится все более понятным, что, вводя наряду с понятием права категорию правового регулирования, ученый этим пытался доказать, что наш правопорядок не законодательный только, он одновременно подзаконный и правоприменительный, и даже индивидуальный, где правоотношения и акты реализации – самостоятельные элементы регулирования, если не сказать больше. Разве мы знаем сейчас закономерный баланс этих элементов? Позвольте предположить, что не вполне. Вот именно эти элементы МПР мы сейчас очень сильно разъединили.

Законодатель увлекся масштабным производством норм. Правоотношения развиваются сами по себе, а судебная власть гнет линию прецедента. Дезинтеграция правового регулирования в России идет по линиям, концептуально обозначенным Алексеевым. Утрата единства норм и правоотношений, неуправляемые нормативность, формализм правоприменения. Вот главный акцент в концепции Алексеева: не право само по себе, не правопорядок, построенный на нормах, как сейчас говорят, правилах, не совокупность правоотношений в виде судебной доктрины, а целостная правовая среда, которая только и способна порождать регулятивные эффекты.

Алексеев, по крайней мере, на первом этапе своего творчества, в 1966 году, однозначно не рассматривал право как отдельное, изолированное явление, чем увлекалась тогда, да и сейчас, наша юридическая наука. Он вообще скептически относился к самодостаточной дискуссии о праве, полагая, что само по себе понятие «право» мало что объясняет, является замкнутой абстракцией. Поэтому важно именно в этом разделе видеть перспективу развития юридической догмы за границами права как системы норм. Вот это стратегически важно.

Вообще, сейчас подход, открытый в 1966 году, становится мировым трендом в европейской правовой литературе. Только в конце XX века стал отмечаться постепенный отход от приоритета нормативной иерархии. Был сделан акцент на коммуникативном процессе, а не на фиксированных элементах, а именно нормах. Но у Алексеева это гораздо тоньше – юридичнее, системнее.

Второй вопрос относится к частному праву. Акмаль Холматович тоже коснулся этого вопроса в рамках второго этапа творчества Алексеева (да, я согласен с тем, что в его творчестве было два этапа), когда Сергей Сергеевич активно обратился к вопросам частного права, и суть его позиции состоит в том, что деление права на частное и публичное имеет не только классификационный, но прежде всего концептуальный и сущностный характер.

Я не буду повторять то, что Акмаль Холматович говорил. Алексеев видел в частном праве вообще квинтэссенцию права в целом, дух его, глубинное основание. И этот подход, давно и довольно широко известный, разделяется многими. Известная абсолютизация частного права, может быть, в какой-то мере, конечно, была оправдана в устах Сергея Сергеевича именно в 90-х годах, когда зарождалась рыночная экономика. Сейчас такой подход уже не отражает системных связей правового регулирования и природу современного права. Я коснусь реформы, формирования новых кодексов 90-х

¹⁴ Семитко А. П. Учение С. С. Алексеева о праве ... С. 183.

годов, в том числе и ГК. Приведу цитату из работы Вениамина Федоровича Яковлева о ГК 1994 года. Смотрите, как они его видели: новый ГК России основан на принципах частного права. Действующее гражданское право является частным и по предмету регулирования, и по принципам, и по методу, и по механизму регулирования отношений, и по функциям, которые выполняет гражданское право. Вот эта позиция, проведенная в нашем гражданском законодательстве в 90-х годах, устарела уже тогда ровно на два века, прошедших с тех пор, когда она действительно была актуальна для ГК Франции 1804 года.

За это время мир перешел к регулированию гораздо более дифференцированных и сложных социальных отношений, для которых создаются новые комплексные, по сути дела гибридные, частно-публичные институты. Поэтому развитие права в стратегическом отношении состоит не в публичном и частном разделении и даже не в комплексном характере нормативности, а в иной нормативной инфраструктуре, которая образуется синтетическими режимами регулирования. Общая тенденция, причем мировая, состоит в том, что нормативная система стремится к преодолению частно-публичной дихотомии и идет к гораздо большей универсальности и субсидиарности регулятивных комплексов. Вообще, по моему мнению, надо сказать, что идея о том, что личность, права личности базируются на частном праве, в настоящее время сильно устарела. Автономность личности и ее относительная независимость от государства основываются на гораздо более сложной системе регуляторов, чем это может выразить классическая формула Ульпиана. Вот мне кажется, что в этой части книги Алексей Павлович все же недостаточно продумал свои стратегические оценки творчества Сергея Сергеевича, так как у последнего, у Сергея Сергеевича, все же были интереснейшие догадки в отношении новой инфраструктуры права, но они как-то не очень акцентированы в научной биографии.

И, наконец, третье. Особенностью второго этапа творческой биографии Сергея Сергеевича является то, что в этот период он обращался в большей мере к вопросам не догмы, а философии права. В 1998 году Сергей Сергеевич публикует сочинение, полностью посвященное Канту и его философии права. Очень характерно само название книги Сергея Сергеевича 1998 года. Обратите внимание, книга очень известная: «Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху»¹⁵. Суть книги состоит в том, что дается оценка правовой философии Канта как непревзойденной по интеллектуальной силе и прозорливости идеи права. Сергей Сергеевич говорит о своем глубоком пиетете к идеям Канта и о том, что самым святым Кант назвал право. Для Канта право в существовании и развитии человеческого рода – это цель. Права человека должны получить приоритет перед властью и перед политикой. Во всем мире нет ничего более святого, чем права человека. Однако что следует сказать по поводу этих положений, уважаемые коллеги? Сами, собственно либеральные, цивилизации Запада и именно в канун третьего тысячелетия далеко ушли от либеральных воззрений Канта в направлении социальности. В конце двадцатого и тем более в начале XXI века, после Хайдеггера, Гуссерля, Ясперса, Франкла, Фукуямы, целой когорты русских дореволюционных философов – Новгородцева, Вышеславцева, Булгакова, Флоренского, Бердяева и многих других, кантовской постановки совершенно уже недостаточно. Все названные и многие другие философы в тех или иных, очень разных аспектах признали, что есть святости выше свободы; свобода – это необходимое условие самообнаружения высших ценностей, но не более того – это условие. Философия права есть учение о фундаментальности, но не о самодостаточности свободы. Без дозволения, в том числе зла, право существовать не может. Но именно поэтому действенность правового регулирования коренным образом зависит от действенности регуляторов более высокого порядка – таких, как нравственность и религия. Причем

¹⁵ Алексеев С. С. Самое святое, что есть у Бога на земле: Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М. : Норма, 1998. 409 с.

Алексеев, в принципе, всегда видел, и это тоже звучало, что право связано с высшей ценностью нравственности.

Правовые регуляторы, как известно, это регуляторы самого нижнего этажа, и поэтому они могут и должны определяться рационально, с правовой точностью, о чем неоднократно писал сам Сергей Сергеевич. Верхние этажи регулирования находятся над правовым измерением. Если это над- и сверхправовое измерение развенчано, то и четкость правовых предписаний не гарантирует исполнения правовых норм. Вот пример по Канту. Простите, я это вычитал в его биографии. Главный германский теоретик морали Кант, как свидетельствуют его биографы, за всю свою долгую жизнь ни разу так и не посетил родную сестру, жившую в одном с ним городе, не поинтересовался ее внутренним миром и проблемами. При всей громадности его интеллекта, ведущим началом его натуры была эмоциональная скудость. Законы нравственности для него были сродни законам небесной механики, и эта небесная механика настраивала его ум на сведение нравственности к праву, а право к так называемому правовому закону.

И Кант, и Гегель, и вообще очень многие немецкие философы рассматривали как пустые мечтания все то, что в духовной, общественной жизни не поддается воплощению – воплощению в железные, рационально постигаемые правовые формы. Что в настоящее время означает свобода? Это означает, прежде всего, поставить Россию выше своих особых интересов и стремлений. Это значит иметь в виду, прежде всего, Россию как целостность. Я думаю, что Сергей Сергеевич действительный философ права.

Но в том, как его взгляды поданы у Алексея Павловича, мы видим некую правовую догматизацию философии. Чтобы интерпретировать по-настоящему философские взгляды Алексеева, нужно включить в анализ и делать ссылки не только на Канта, но и на всю европейскую и русскую правовую философскую традицию. Только тогда мы поймем подлинного Алексеева. Задача философии права состоит не в том, чтобы защитить права человека в любой их постановке, а в том, чтобы защитить права человеческого в человеке, права божественного в человеке, защитить человеческую идентичность.

В 90-х годах прошлого века, когда Сергей Сергеевич создавал свои философские работы, власть в России выбросила на правовой рынок одновременно массу ничем не обеспеченных прав и свобод. Мы наблюдали своими глазами, как они обесценивались. Это все происходило на глазах Сергея Сергеевича Алексеева. Это была и его большая драма как ученого. В отличие от многих конформистов во власти, он покинул Москву и вернулся в Екатеринбург. Он не мог находиться внутри новой элиты, состоящей, мягко говоря, из людей, которым были чужды ценности права. Но что он увидел? И его родной город уже был во многом частью этой вакханалии. Почему вот эти человеческие вопросы не учитываются в научной биографии?

Алексей Павлович говорил об интеллектуальной биографии. Ну, да, она нужна. Это сквозит по всей книге. И отсутствие вот этой составляющей, показывающей, что любая незаурядная личность – это человек сомневающийся, мятущийся, мечтающий, ищущий и ищущий. Но вот это измерение творчества Алексеева, к сожалению, пока недоступно современным исследователям. Почему вообще Алексеев на так называемом втором этапе своего творчества покинул догму и перешел в философию? Осмелюсь сделать предположение: у величайшего теоретика, теоретика права вполне конкретного советского государства, фактически ушел предмет. Разрушение СССР, которое он, кстати, сильно переживал, повлекло значительную неопределенность в главном вопросе: теорию права какого государства Сергей Сергеевич исследует?

Алексеев именно ушел в философию права. Он в большей мере начинает рассматривать право как некую абстрактную сущность. Абсолютизация Канта, подчеркивание кантовских императивов во многом выступает у него как протест против убогой государственной элиты того времени. По сути дела, Алексеев пытается одухотворить Канта, придать его правовой теории гораздо более глубокий смысл, чем он есть на самом деле, – сверхправовой смысл, пытается приспособить Канта к России.

Почему вот этого всего и все-таки, опять досадно, совсем нет в научной биографии? Вот надо сказать, Алексей Павлович, дорогой, не обижайтесь, получилась книга замечательная, хорошая, но во многом глянцева, приглаженная, лишенная человеческого измерения, написана она фактически по старым советским канонам. Не надо бояться увидеть не только автора, но и человека-автора. Этим никак нельзя принизить Алексева. Наоборот, великим мыслителям присущи великие человеческие драмы.

И Алексеев не исключение. Он творил в переломное время, и это не могло не сказаться на его творчестве. Уважаемые коллеги, делаю вывод: Алексей Павлович проделал очень большую и положительную работу, за что он заслуживает огромной благодарности. Научная биография затронула практически все предметы творчества Сергея Сергеевича Алексева. Профессор Семитко в какой-то мере инвентаризировал его литературное наследие полностью. Однако мы находимся в самом начале по-настоящему научного исследования творческого наследия главного теоретика права нашей страны.

Алексеев сложен, он открыл много совершенно новаторских смыслов, которые задрапированы под условия его времени. Эти смыслы нуждаются в понимании и новом открытии. Мы должны заново в контекстах современных проблем правопорядка осмыслить его положения. Глубина Алексева с лаконичными формулами его поистине неисчерпаема. Я очень надеюсь и рассчитываю на молодежь, на аспирантов, соискателей, которым мы должны, тем не менее, задать определенной режим не формальной канонизации, а творческого поиска. Это будет настоящим вкладом в новейшую правовую мысль России. Большое спасибо и очень извиняюсь за превышение регламента.

Грибанов Д. В. Спасибо большое, Владимир Николаевич!

Уважаемые коллеги! Слово, также онлайн, предоставляется Владимиру Борисовичу Исакову, ординарному профессору департамента теории права и сравнительного правоведения факультета права Высшей школы экономики, заслуженному юристу Российской Федерации, доктору юридических наук, профессору, лауреату премии имени Сергея Сергеевича Алексева «За заслуги юриспруденции». Владимир Борисович, рады Вас приветствовать. Просим.

Исаков В. Б. Добрый день, уважаемые коллеги! Ох, и трудно же выступать после Владимира Николаевича Синюкова с его ярким и таким эмоциональным видением ситуации!

Поэтому я намеренно прочитаю свое выступление скучным голосом и без всяких эмоциональных аспектов. В одной из работ Сергея Сергеевича Алексева есть образ научного исследования как вскрышных работ. Он пишет о том, что научное исследование напоминает разработку угольного разреза, когда снимают сначала пустую поверхностную породу, потом еще какие-то осадочные слои и так, слой за слоем, добиваются до сути проблемы. Продолжая этот образ, я сказал бы, что Алексей Павлович Семитко пробурил скважину сквозь творчество Сергея Сергеевича Алексева или даже не скважину, а целую шахту пробил. Причем такую очень подробную, детальную работу провел. В ряде случаев даже шел не по крупным работам, а по их разделам, анализируя их. Вместе с тем работа Алексея Павловича это не просто зеркало или подробная карта такого богатого угольного разреза. Это авторское переосмысление творчества Сергея Сергеевича Алексева глазами самостоятельно сложившегося современного ученого со своими приоритетами, ценностями, смыслами, которые он внес, исходя из своих теоретических позиций. Чувствуя глубокое уважение к работе, к тому пиетету, который испытывает автор перед личностью Сергея Сергеевича Алексева, я думаю, что все же с отдельными положениями можно поспорить, но вот немножко неуютно продолжать линию критики, которую повёл Владимир Николаевич Синюков. Но ведь мы не только хвалить собрались, но и какие-то альтернативы предложить, какие-то, может быть критические, замечания высказать в отношении этой работы. Таким спорным положением, на мой взгляд, является исключительно позитивная оценка автором эволюции взглядов Сергея Сергеевича Алексева от классического марксизма-ленинизма к рыночному либерализму.

Автор оценивает эту эволюцию как естественное, необходимое, исключительно позитивное явление. Я думаю, что не все так просто. Все мы пережили период крушения прежнего общественного и государственного строя, прежней государственной идеологии, которая тогда существовала. Но пережили по-разному и вышли из этого периода по-разному со своими какими-то потерями и обретениями. Лично мне кажется избыточной та резкость, с которой Сергей Сергеевич обрушился на советское право, отрицая даже возможность его называться правом. Это, в общем-то, не характерно для Сергея Сергеевича, который всегда стремился занимать взвешенную, рациональную, сбалансированную позицию. По-видимому, повлияла обстановка идеологически кипящей Москвы, в которую он окунулся, обстановка, которая требовала резко и, может быть, даже преувеличенно жестко заявлять свою позицию.

Мне кажется, что Сергей Сергеевич не вполне прав, когда связывает права и свободы человека и гражданина исключительно с частной собственностью. Та форма, в которой частная собственность пришла в Россию, на самом деле принесла немало бед. Сегодня это видно.

В начале 90-х я был депутатом, даже палату целый год возглавлял¹⁶. И тогда как раз обсуждался вектор экономических и социальных реформ в России. Я был сторонником взглядов и предложений Сергея Сергеевича Алексева, соглашаясь с тем, что Россия должна пройти период арендной формы собственности с правом выкупа предприятий – право аренды предприятий государственной собственности с правом последующего выкупа. Но те, кто находились у власти в тот период, отнюдь не собирались терпеть 10, 15, 20 лет, пока народ привыкает к рынку. Им нужна была собственность сейчас же, немедленно и как можно в большем объеме. Исходя из этой цели, из этой идеологии и родилась тогдашняя программа приватизации, которая – сегодня в общем-то это отчетливо видно – больше напоминает программу организованного расхищения государственной собственности в кругу первом приближенных к власти людей. И здесь, я думаю, Сергей Сергеевич несколько переоценил вот эту либеральную сторону частной собственности и недооценил угрозы и недостатки, которые она с собой несла, в условиях России особенно. В каком-то смысле произошло так (Алексей Павлович эту идею проводит в книге в нескольких местах), что замечательная, чудная коммунистическая идея, светлая по своим основам, была безобразно реализована в России и что-то подобное случилось и с частной собственностью. Сама идея либерализма, конечно, очень много позитивного в себе содержит. Но вы посмотрите, как практически реализовали ее в России: по сути дела, в экстремистском таком, в криминальном варианте, который изуродовал и экономическую, и общественную жизнь. Я считаю ошибкой Сергея Сергеевича, что, пойдя в политику, он примкнул к группе московской и петербургской либеральной интеллигенции. Это – Булат Окуджава и его окружение. Что это за люди? Вспомним известное заявление 42-х по итогам сентябрьских и октябрьских событий 1993 года: разогнать Верховный Совет, упразднить Конституционный суд, додавить, дострелять гадину!¹⁷ Практически цитирую это заявление. Кто этой гадinou были? Ну,

¹⁶ Председатель Совета Республики Верховного Совета РСФСР (13 июня 1990 – 2 октября 1991 г.). (Примеч. ред.).

¹⁷ См.: Известия. 1993. 5 октября (№ 189 (24044)). URL: <http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/PAPERS/HONOUR/LETT42.NTM> (дата обращения: 15.07.2025). В пункте 7 письма указано: «Признать нелегитимными не только съезд народных депутатов, Верховный Совет, но и все образованные ими органы (в том числе и Конституционный суд)». Слова «додавить, дострелять гадину!» в тексте письма отсутствуют. Однако, к сожалению, подобные слова звучали в октябре 1993 года по отношению к депутатам, которые придерживались других взглядов, чем Президент РФ, на дальнейшие пути развития России. (Примеч. ред.).

вот мы, те депутаты, которые остались на позициях Конституции¹⁸ и которых тогда окружил в Белом доме ОМОН. Именно нас и предлагали в этом заявлении дострелять¹⁹.

К счастью, подписи Сергея Сергеевича под этим заявлением нет. В общем то, есть здравый смысл, и его гражданская позиция не позволила поддержать эти призывы. Но ведь это его друзья, с которым он общался, дружил, и их единую позицию, в общем и целом, разделял.

Уважаемые коллеги! Жизнь людей такого масштаба, как Сергей Сергеевич Алексеев, не заканчивается с распадом и смертью той физической оболочки, в которой они живут. Физическая оболочка умирает, а комплекс мыслей остается жить, продолжает развиваться, продолжает оспариваться, в чем-то уточняться, дополняться. Над этим комплексом работают ученики Сергея Сергеевича. Я думаю, что если бы жизнь подарила Сергея Сергеевичу еще, скажем, 10–15 лет, то он, как это сделал в свое время [в отношении прежних позиций], и либеральные свои позиции во многом бы пересмотрел и уточнил.

Собственно, он начал эту работу в своих последних трудах, где он высказал опасения о крушении права в России, в том числе о том, что в России формируется что-то похожее на авторитарный режим и какую-то уродливую монархию. Но вот развить эти идеи масштабно, полно, глубоко, как он это всегда делал, он уже не успел. Продолжать эту работу придется, видимо, нам. Спасибо.

Грибанов Д. В. Владимир Борисович, спасибо.

Уважаемые коллеги! Слово предоставляется Николаю Александровичу Власенко, главному научному сотруднику отдела теории права и междисциплинарных исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при правительстве РФ, заслуженному юристу Российской Федерации, доктору юридических наук, профессору. Николай Александрович, просим Вас.

Власенко Н. А. Спасибо большое. Уважаемые коллеги! Я с удовольствием принимаю участие в этой дискуссии. Но прежде я скажу, что такая, знаете, печаль давит на мои плечи, потому что ушел Сергей Сергеевич, ушел Александр Федорович Черданцев. И вот недавно ушел и Валерий Васильевич Лазарев. Мы его провожали, печальные слова говорили и так далее. Конечно, это плеяда ученых, которая была в советский период и постсоветский период. Вы знаете, я не буду сейчас говорить о том, что написано в моей статье в журнале, – вот, я его показываю²⁰, – посвященная 100-летию со дня рождения С. С. Алексеева. Я хотел сказать о С. С. Алексееве как о личности, а не о том, что сегодня говорили, где он прав, не прав, прав, не прав... Я поступил в аспирантуру в 1979 году, учился три года. Руководителем у меня был Александр Федорович Черданцев. И вот с Алексеевым Сергеем Сергеевичем у меня были отношения, о которых я писал в этом журнале, они связаны с его личностью.

Первое, что я хочу сказать. Вы знаете, тогда я писал свою диссертацию «Коллизионные нормы в советском праве», только защитил ее, и он вдруг подзывает меня сразу после защиты и говорит мне: «Николай Александрович, знаешь, надо вообще к таким мероприятиям готовиться, потому что всякий экспромт хорош тогда – это его фраза была, – когда он подготовлен». А я, видите, был наивный такой аспирант, я сам писал, я сам все делал, и я не готовился к самой процедуре защиты. Я думал: ну, всё, я свою

¹⁸ Имеется в виду Конституция РСФСР 1978 г. с изменениями и дополнениями от 27 октября 1989 г., 31 мая, 16 июня, 15 декабря 1990 г., 24 мая, 3 июля, 1 ноября 1991 г., 21 апреля, 9, 10 декабря 1992 г. (Примеч. ред.).

¹⁹ Таких предложений в письме не было, однако они, действительно, звучали в публичном пространстве страны в конце 1993 года. См.: Известия. 1993. 5 октября (№ 189 (24044)). URL: <http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/PAPERS/HONOUR/LETT42.HTM> (дата обращения: 15.07.2025). (Примеч. ред.).

²⁰ Власенко Н. А. Ценность права в трудах С. С. Алексеева и современные оценки права // *European and Asian Law Review*. 2024. Т. 7, № 3. С. 18–27.

тому знаю, я сразу всё выложу. Только потом я понял, что всякий экспромт должен быть хорошо подготовлен.

Второй момент. Тогда, в советское время, чем было хорошо? В общежитие, где мы жили, на Июльской, 18, многие помнят это, часто приходила профессура, ученые посещали студентов, выступали. И вот ко мне подходит покойный уже ныне Леушин Владимир Ильич и говорит: «Николай, давай так, вот ты живешь в общежитии?» Я говорю: «Да, живу». – «Всё, Сергей Сергеевич придет на мероприятие». Я говорю: «Да, хорошо». И вот Сергей Сергеевич вечером приходит вместе с Р. К. Русиновым, ныне тоже уже покойным, в комнату. Я, знаете, полы помыл, я даже стаканы помыл, потому что чай пили постоянно, всё помыл, приготовил чай. Пришел Сергей Сергеевич, сидел, мне Леушин говорит: «Сергей Сергеевич чай любит». Я не буду пересказывать его диалог со студентами, а там, на Июльской, 18, на втором этаже, зал был большой. И когда Сергей Сергеевич пришел, то вдруг один студент просит: «Расскажите про войну!» И Сергей Сергеевич, понимаете, долго стоял молча, а потом говорит: «Знаете, я грязи много видел в своей жизни. Вы не думайте, что я такой идеальный человек. Я, говорит, грязи много видел. Война – это грязь». Вот, я в этой статье как раз и описал этот момент. Он считал, что война – это грязь.

Ну, коллеги, я не буду продолжать, потому что Сергей Сергеевич для меня был, конечно... я считаю вообще себя счастливым человеком в каком-то смысле: понимаете, я учился у Черданцева, я учился у Алексева. Владимир Борисович [Исаков] всегда помогал, понимаете? То есть это для меня – учителя и великие люди. Я считаю, что мне в моей жизни повезло. Спасибо.

Грибанов Д. В. Николай Александрович, спасибо большое. Слово для выступления предоставляется Николаю Николаевичу Тарасову, профессору кафедры теории государства и права имени С. С. Алексева, почетному работнику высшего профессионального образования Российской Федерации, доктору юридических наук, лауреату премии имени Сергея Сергеевича Алексева «За заслуги в юриспруденции». Николай Николаевич, просим Вас.

Тарасов Н. Н. Спасибо, Дмитрий Владимирович, постараюсь следовать примеру Николая Александровича. Не знаю, получится ли только, потому что все-таки здесь ситуация другая. Но я изо всех сил буду стараться. Я имею в виду – в смысле краткости.

Первое, что я сразу сделаю несколько таких реплик, которые дальше мне помогут. Мне сложно относиться к книге Алексея Павловича по той простой причине, что я – не специалист. Я в таком исследовательском жанре, который называется «биография», не работаю. Тут, наверное, историкам карты в руки, потому что я воспринял книгу как, с моей точки зрения, замечательную, редкую, большую, серьезную работу, которая, безусловно, полезна и которая принесет известные позитивные результаты для нашей науки.

Потому что работа, действительно, проделана гигантская. И в этом смысле я склоняю голову перед Алексеем Павловичем. И могу сказать, что создан еще один совершенно блестящий миф об Алексееве, потому что, как мы помним, любое личное мнение – это миф, пока оно не переведено в научное знание. Поэтому у меня свой Алексеев, у Алексея Павловича – свой Алексеев, у Михаила Федоровича [Казанцева], соответственно, свой Алексеев. Откуда и задавали вопросы: от этого Алексеева к этому Алексееву. И поэтому ответить на эти вопросы было невозможно. Но если серьезно, то работа, действительно, заслуживающая внимания, очень серьезная. И спасибо Алексею Павловичу.

Я в своем выступлении, во-первых, буду аполитичен, потому что подобно тому, как Сергей Сергеевич пытался уйти от формационной теории истории, что мы с вами обсуждали на Алексеевских чтениях, и поискать некоторый генезис в процессе, так и я попытаюсь отойти от этого понимания в своем мифе и уйти от политических условий, потому что очень легко все объяснять через такие условия. Второй момент. Я, в отличие от Владимира Николаевича [Синюкова], как раз приветствую это стремление Алек-

сея Павловича к такой, если хотите, некоторой обособленности от некоторых личных контекстов. Я бы еще больше это сделал, потому что, с моей точки зрения, о человеке вправе судить только Бог.

А вот об ученом можем судить мы. Поэтому судить об Алексееве как о человеке я не берусь и считаю это делом бесполезным и бессмысленным, потому что для меня он в первую очередь важен как юрист, как теоретик права, как философ права. И мы видели два таких информационных вброса, о чем сегодня уже упоминали, поэтому я должен об этом высказаться. Обычно Сергея Сергеевича связывают с формированием нашей Конституции. Но не так это было, коллеги. Существовало несколько вариантов Конституции. И реальную, сегодняшнюю Конституцию скомпоновал Сергей Шахрай, которому представляли различные варианты, а уже он там, руководствуясь особыми инструкциями, полученными, как я понимаю, в Кремле, создавал то, что мы сегодня воспринимаем как текст современной Конституции. Над тем вариантом, который разрабатывал Сергей Сергеевич как руководитель одной из групп, они работали под патронажем Собчака в Санкт-Петербурге, точнее, в пригороде Санкт-Петербурга, в Конституцию вошла достаточно большая часть, но нельзя сказать, что их Конституция это и есть наша сегодняшняя Конституция. А вот в отношении Гражданского кодекса было упомянуто, что он внес вклад. А вот здесь я бы, наоборот, сместил акценты в сторону того, что Гражданский кодекс, я имею в виду его первую часть, – это на 100 % заслуга именно Сергея Сергеевича, и без него этого кодекса не было бы ни при каких условиях.

Я не говорю только о содержании Гражданского кодекса, которое, так сказать, Сергей Сергеевич буквально выстрадал. Причем я должен упомянуть еще одно имя, а именно Станислава Антоновича Хохлова, потому что как раз основным генератором и организатором работы по содержанию кодекса был именно он, человек рано ушедший, человек, к сожалению, которого мы стали забывать. А его роль в этом процессе очень велика. Об этом, кстати, все время говорил и Сергей Сергеевич.

А почему я сказал, что без Сергея Сергеевича не было бы кодекса? Потому что, вообще-то, кодекс был отклонен Советом Федерации, и Ельцин сказал: «Я не буду подписывать». Мне Сергей Сергеевич это рассказывал. Сергей Сергеевич предпринял достаточно такой небанальный шаг. Он пришел в приемную Ельцина, ему секретарь сказал: «Он вас не примет, сегодня у него много разных дел».

И тогда Сергей Сергеевич сказал: «Ну, ничего, я подожду». И он очень долго сидел в приемной Ельцина. Наконец, все-таки Ельцин, уже перед выходом из кабинета, сказал: «Ну, пригласите его». И состоялся разговор, где Ельцин начал с того, что Сергей Сергеевич, не тратьте ни свое, ни наше время, я не буду подписывать. Сергей Сергеевич продемонстрировал, наверное, ту грань своего таланта, которую мы не часто видели; я, по крайней мере. Он в таком качестве не часто передо мной предстал, а именно: он оказался совершенно блестящим оратором, если хотите, и к тому же совершенно блестящим логиком. Но только логиком не в смысле формальной логики, а в смысле той логики, которая была в голове Ельцина. Он долго объяснял, а потом он нашел, как он сказал, единственный аргумент, который и сломал Ельцина. Он сказал: «Борис Николаевич, вот великий Наполеон; почти всё о нем забыли, а Кодекс Наполеона живет до сих пор. Почему бы не быть в истории кодексу Ельцина?» Именно после этих слов Борис Николаевич и подписал необходимую бумагу. Ну, это так, для сведений, чтобы исторические мифы продолжали жить определенным образом.

Теперь что касается понимания эволюции Сергея Сергеевича как ученого. С моей точки зрения, неправильно делить творчество Сергея Сергеевича на советский и постсоветский периоды. С моей точки зрения, он не менялся. В зависимости от этого он не менялся, он менялся в другом. Я бы то, что он проходил в своей эволюции, разделил на три этапа. Первоначально это догматика и цивилистическая доктрина, в которой он и был воспитан, любовь и привязанность к которой он сохранил до конца жизни и которая во многом определяла его мышление. Следующее, я здесь с Владимиром Николаевичем [Синюковым] полностью согласен, произошло, когда он привлек внимание

к механизму правового регулирования. Это – выход на уровень теории в собственном смысле, потому что именно с появлением механизма правового регулирования у нас возникла, я бы сказал, теория как наука. До этого у нас было именование теории, но мы продолжали или некоторые политологические рассуждения, или некоторые доктринальные разработки. И еще один очень важный момент: в механизме правового регулирования есть маленький абзац, который, как правило, пропускают, а он представляет, может быть, самое главное в этой книге, а именно то, что в этом абзаце Сергей Сергеевич разотождествил право и государство. Именно там он пишет, что право является институтом и механизмом самодостаточным, обеспечивающим самого себя. Можно это дискутировать как теоретическую идею, но как некоторый философский посыл, я считаю, это буквально прорыв вперед. Потому что именно с этим и с механизмом правового регулирования мы ушли от примитивного правового воздействия, которое господствовало еще с довоенного периода, по поводу которого там шло известное противостояние Стучки и Пашуканиса, и т. д. И то воздействие отстаивал именно Стучка. И первая эта задача была для наших ученых – доказать оправданность произвольного, а именно законодательного, воздействия на экономику. А Сергей Сергеевич прошел дальше. Он сказал: да не только воздействовать, мы обязаны регулировать. И вот это именно выход в новую теорию права, которая уже предстала в качестве ядра, в которой, точнее, предстала теория правового регулирования. Вот это – теория. Дальше Сергей Сергеевич работал примерно до середины 80-х годов в жанре теории. Но, с моей точки зрения, в теории он, в принципе, сделал все, что можно было сделать на тот момент, если не считать некоторых производных, второстепенных, так сказать, проблем. Он, фактически, все уже систематизировал для себя, уже включил в свою концепцию, и, в общем-то, ему уже в каком-то смысле стало тесно. Произошла бы смена, не произошла, я думаю, он все равно бы шел по этой линии потому, что, смотрите, коллеги, ведь не случайно книга названа «Восхождение к праву». Давайте вспомним старые наши с вами такие ключевые, застывшие фразы. Когда мы говорим «восхождение», то что сразу следует, что всплывает? [Восхождение] от абстрактного к конкретному. Это же мы так делаем. Нас же приучили, что восхождение может быть только от абстрактного к конкретному, а от конкретного к абстрактному – это уже снисхождение.

Что может быть более абстрактным, чем догма? Догма – это предельная абстракция. Что может быть более конкретным, чем философия? Философия – это и есть картина мира. Философия – единственная форма мысли, которая рискует обращаться не к предмету, а напрямую к объекту. И в этом смысле – к жизни. Вот, мне кажется, эта эволюция Сергея Сергеевича была задана логикой его движения в науке, и он неизбежно бы туда пришел, как любой великий ученый. Коллеги, давайте посмотрим: все великие, возьмите физику, все великие физики, они в конце все занимались философией физики. Это, наверное, я думаю, естественное движение любого настоящего талантливому ума. А Сергей Сергеевич, бесспорно, к ним принадлежал. Поэтому я бы все-таки разделил его жизнь как ученого и то, что это совпало с некоторыми политическими моментами, ну, с моей точки зрения, это совпало. В какой форме было бы, если бы это не совпало? Сейчас обсуждать бесполезно. Как известно, в истории сослагательное наклонение не приветствуется. Однако это не означает, что всё, что писал Сергей Сергеевич, надо приветствовать, аплодировать и объявлять истиной в последней инстанции. Я уже цитировал его, что настоящий ученый только тот, кто умеет ошибаться. Если ученый не умеет ошибаться и не может сказать «я был неправ, я ошибался», то он не имеет отношения к науке. Поэтому у Сергея Сергеевича есть отдельные положения, отдельные мысли, с которыми, скажем, я не согласен и даже набирался нахальства дискутировать по этому поводу с ним, и так далее. Но это никак не влияет на его теорию, потому что я в каком-то смысле могу сказать, что Алексеев и задал, действительно, те рамки, ту структуру, которые имеет наша современная теория государства и права.

И поэтому не менялся Сергей Сергеевич, его ценностное, личностное ядро не изменилось. Менялись различные формы, но, коллеги, они неизбежно меняются. Я, как

старый марксист, продолжающий им оставаться, позволю себе напомнить вам: жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. И я считаю это истиной до сих пор.

И последняя ремарка благодаря тому, что вернулся уважаемый проректор по научной работе. Так вот, я тоже считаю, что задача не в том, чтобы рассказывать мифы о Сергее Сергеевиче студентам, а в том, чтобы они начали его читать. Конечно, не в регулярном учебном процессе, там этому место вряд ли мы найдем. Но, понимаете, проблема в чем? Тенденция нашего образования тут делает меня пессимистом, потому что я не могу сейчас включить Сергея Сергеевича в обязательный список работ для своих студентов, подчиняясь условию «не старше пяти лет». Всё! Алексеев оказался за пределами учебного процесса благодаря нашему нормированию учебного процесса. Ну, ладно, это центр, это Москва, Господь им судья, у них свои резоны. Но есть у нас свои резоны, и вот я, хотя и помня, что в одну и ту же реку дважды войти нельзя, но мучимый ностальгией, попытался возродить кружок в духе Сергея Сергеевича Алексева для аспирантов и старшекурсников.

Первоначально куча была народу, потом осталось три-четыре человека, которые расслабленно так ходили время от времени. Выяснилось, что это никому не нужно. Знаете, в чем разница оказалась? А оказалась разница в следующем. Я заставлял читать книжки. А студенты говорят: тут у вас мы мучаемся, там черт поймет, ногу сломит, а там мы уже статьи пишем, там мы уже ученые. Так вот, мне кажется, та система, которую мы внедряем в научно-исследовательскую работу, способна только погубить исследовательскую и научную работу, ничего другого она не сделает. Я уже высказывался по этому поводу на определенном уровне и хочу зафиксировать еще и здесь: вместе с этой системой мы формируем представление у студентов, что наука – это такое, извините, как два пальца об одно место. Любой первокурсник может написать статью, а какие проблемы? Любой первокурсник едет на конференцию, там его слушают, все ему аплодируют. Я потом говорю: ты не понимаешь. Он говорит: Николай Николаевич, у меня по этой теме было выступление, мне аплодировали, мне сказали, что я молодец и прав. Вот я бы Андрея Владимировича [Винницкого] очень просил поразмышлять на эту тему. Может быть, можно здесь внести какие-то изменения для того, чтобы студенты наши вместо писателей – конкурентов Алексева – превратились в его читателей? Спасибо.

Грибанов Д. В. Спасибо. Уважаемые коллеги! Слово онлайн предоставляется профессору кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Университета имени Лобачевского, почетному работнику высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженному работнику высшей школы Российской Федерации, доктору юридических наук, профессору Владимиру Моисеевичу Шафирову. Прошу Вас, Владимир Моисеевич.

Шафиров В. М. Добрый день, уважаемые коллеги! Я с удовольствием принимаю участие в этом мероприятии, поскольку оно посвящено моему учителю. И, я думаю, здесь все присутствующие – ученики Сергея Сергеевича. И я хочу сказать, что Алексей Павлович проделал титаническую работу. Это первое фундаментальное биографическое исследование научных свершений великого ученого-правоведа Сергея Сергеевича Алексева.

Причем, что интересно, в теории нет ни одной проблемы, которые бы Сергей Сергеевич с новых позиций не исследовал. И вот Алексей Павлович сумел скрупулезно каждую из них выделить и раскрыть. Это, конечно, можно сказать, подвиг ученика. Поэтому я очень признателен Алексею Павловичу за такую работу. Я бы хотел остановиться на одной только проблеме, на одном учении, которое Сергей Сергеевич разрабатывал, на мой взгляд, очень долго – это учение о праве человека.

Да, Сергей Сергеевич был в какой-то степени позитивистом. Да и не в степени, а, по существу, в целом был позитивистом, вырос в этой системе позитивизма, и мы все в ней выросли. Но, на мой взгляд, масштаб Сергея Сергеевича был таков, что он уже в далекие от нас 70-е годы вынашивал идею человекоцентризма. Почему я об этом гово-

рю? Потому что, когда я поступил в аспирантуру к Сергею Сергеевичу, а до этого был его дипломником, он мне предложил тему «права активных граждан». Для меня это было вообще непонятно: что это такое? В догматике нет такого понятия. Я его спросил: а как же Сергей Сергеевич, о чем здесь писать? Он говорит: это – дело будущего. Это проблема такая, которая потом сработает.

И он, как пророк, действительно сделал так, что моя судьба была связана в дальнейшем с этой темой. И вот, я подчеркиваю, что да, Сергей Сергеевич позитивист, нормативист, но идея человекоцентризма у него была уже в самом начале творчества. Я имею в виду период, когда я с ним работал в 70-х годах. Хочу здесь сослаться на такие положения, которые вытекают из данной теории. И почему потом эта теория воплотилась в Конституции. Николай Николаевич говорил, что другие коллеги принимали там большее или меньшее участие. Но я скажу про другое: первые две главы – это, конечно, заслуга Сергея Сергеевича. И в них именно его учение о праве человека получило воплощение.

Какие это идеи? Прежде всего, идея о переходе понимания права как исключительно силового инструмента, силового института к пониманию его как гуманистического явления. Это, конечно, для юридической догматики нечто явно новое, непонятное. Или, например, другое положение: о необходимости юридического признания прирожденных и неотъемлемых прав человека. В теории, даже в Конституции 1977 г., содержалось положение только о правах гражданина. А права человека – это была совершенно новая категория, которая вытекала из естественного права.

Далее. О закономерности процесса единения естественного и позитивного права. Я, например, когда писал свою докторскую диссертацию, то сразу пришел к выводу, что нет права позитивного, есть право естественно-позитивное. И этот толчок дал мне, конечно, Сергей Сергеевич.

Далее. Что еще очень важно подчеркнуть: Сергей Сергеевич настаивал на том, что именно право дает великую ценность человеку – свободу. Мы знаем, что сегодня существует позиция, что, наоборот, право – это ограничение свободы. Это заблуждение. Именно свобода существует только через право. И это, действительно, положение, которое обосновано у Сергея Сергеевича очень хорошо и основательно. Также он говорил о том, что только право способно ввести равенство – равенство правовых возможностей. И это тоже отражено в его трудах весьма доказательно. Очень интересный момент в его творчестве – это переход от обязывания к дозволению. То есть он считал, что именно дозволения являются ключевым моментом в праве, что именно право основывается на дозволении. И поэтому он выделил особую роль управомочивающих норм. Но ведь у нас что происходит? Считается, что любая норма содержит и права, и обязанности, то есть является необходимым «должен». Вот это ошибка, потому что есть нормы обязывающие, а есть управомочивающие. Это совершенно разные нормы, они содержат разные правила поведения, а мы их растворяем. И еще очень важный момент его теории. Учение о праве человека – это выделение наряду с нормами и других феноменов – нормативно-правовых обобщений: и те и другие – это правила поведения, а в нашей науке принято говорить о том, что только нормы регулируют поведение и отношения людей. А Сергей Сергеевич доказывал, что это не так, есть и принципы, есть цели и так далее, то есть нормативно-правовые обобщения. Еще я хотел отметить его положение о правозаконности: он пришел к выводу, что формально закон не отражает сути права, что позитивное право, когда мы говорим о правозаконности, должно основываться на неотъемлемых правах человека. И в этом суть правозаконности.

И еще один момент, который я хотел отразить, это то, что Сергей Сергеевич выступил за многоаспектное понимание права. То есть он пришел к выводу, что все теории так или иначе совместимы, потому что они отражают разные стороны одного явления – права. Таков многоаспектный подход, выдвинутый ранее также В. Н. Кудрявцевым и В. П. Казимирчуком и затем поддержанный и развитый Сергеем Сергеевичем.

И еще об одном моменте, который я считаю принципиальным. Когда утверждают, что идея высшей ценности человека и его прав является ложной идеей, и критикуют ее, считая, что она ведет к развитию эгоизма, то, я думаю, здесь проявляется неверное понимание всего этого ценного положения из Конституции, сформировавшееся под влиянием марксистского взгляда, согласно которому, действительно, права человека – это права обособленного индивида. Это ошибочное мнение. Причина появления такого положения в Конституции кроется в исторических фактах. Мы знаем, что после Второй мировой войны состоялся Нюрнбергский процесс над преступниками. Но мало знаем о том, что был другой суд над теми, кто вершил законность в фашистской Германии. Это суд над судьями, прокурорами и так далее. А что произошло, когда Гитлер пришел к власти? Нацисты в целом фактически отменили Веймарскую конституцию и вместо нее приняли огромное количество законов, которые, по существу, закрепили человеконенавистнические положения. В результате были поражены в правах миллионы людей. А что значит поразить в правах? Это лишить свободы, достоинства, самой личности. Человек превращается в придорожную пыль, если образно сказать. Поэтому без прав и свобод человек не может жить так же, как без сердца, без легких и других важнейших органов. То есть права и свободы – это жизненно важная ценность. Поэтому нельзя утверждать, что положения о правах человека – это надуманная проблема. И Сергей Сергеевич здесь, конечно, поступил очень мудро. Он учел опыт и истории, и свой опыт, который, действительно, очень основателен, глубок. Поэтому я убежден в том, что нам нужно это учение о праве человека в корне переосмыслить, потому что именно оно помогает нам в важном вопросе, в строительстве правового государства; ведь основной принцип правового государства – это не человек для права, а право для человека, не человек для государства, а государство для человека. Спасибо за внимание!

Грибанов Д. В. Спасибо, Владимир Моисеевич.

Уважаемые коллеги! Слово для выступления предоставляется Михаилу Федоровичу Казанцеву, заведующему отделом права Института философии и права УрО РАН, заведующему кафедрой обязательственного права Уральского филиала Исследовательского центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, доктору юридических наук, профессору. Михаил Федорович, просим Вас.

Казанцев М. Ф. Уважаемые коллеги! Прежде всего я хочу поблагодарить Алексея Павловича за то, что он написал эту книгу. Книга – толстая, а изложенная в ней научная биография – краткая. Это – парадокс, но он – перед нами. Благодаря этой книге Алексей Павлович собрал нас здесь. Обычно собирают на дни рождения и похороны, а Алексей Павлович собрал на обсуждение книги. Что может быть лучше для научной братии? Спасибо, Алексей Павлович!

Жанр обсуждения книги предполагает, что можно немножко обсудить книгу, что здесь делалось. Можно немножко высказать свои суждения о творчестве Алексеева, что здесь делалось в большом количестве, поделиться своими воспоминаниями об Алексееве, тоже это делалось, покритиковать, как без этого? И это тоже делалось. И это тоже хорошо. Все это можно, и все это правильно. Я тоже немножко скажу о чем-то таком, но, прежде всего, скажу несколько слов собственно о книге.

Книга – очень хорошая, солидная, мощная, и здесь справедливо ее хвалили. О чем эта книга? Это книга об Алексееве и о его творчестве. Здесь удачно сочетаются биографические сведения и анализ творчества Сергея Сергеевича. Разумеется, Алексей Павлович представил нам свое видение, а не чужое. Это – совершенно нормально, а то, что критикуют Вас, то это тоже нормально. В чем заслуга этой книги? В неизданных воспоминаниях Сергей Сергеевич написал о том, *что* для него является главным достижением в жизни – к концу жизненного пути удалось обрести важнейшую, ключевую грань понимания права. И добавил: может быть, это даст, рано или поздно, взрывной эффект в изучении права. Я думаю, что книга Алексея Павловича как раз и может создать один из импульсов для такого взрывного эффекта. Для привлечения внимания к творчеству Алексеева. Сам-то взрывной эффект, как я думаю, еще не произошел.

И когда он произойдет, я не знаю. Но книга Алексея Павловича дает к этому, может быть, небольшой, но толчок.

А теперь чуть-чуть... даже не критики (сейчас модно критику вуалировать под что-то другое, например под пожелания). Я тоже пожелаю Алексею Павловичу во втором издании не писать слово «краткая», а написать либо «пространная», либо вообще ничего не писать. И еще несколько структурных пожеланий. Я думаю, что все же было бы лучше предпослать книге «Введение». Его нет. А мы привыкли, что есть введение, тем более что такой книге оно необходимо, на мой взгляд. А в конце книги разместить алфавитно-предметный указатель и именной указатель. Фундаментальная направленность книги просит этого. И от этого она выполнит свои функции еще лучше.

Таким образом, заключая эту часть, скажу, что Алексей Павлович написал книгу, достойную героя книги. Спасибо ему за это. А учитывая, что Алексей Павлович сделал хорошее дело, я вначале преподнесу Алексею Павловичу личный подарок, а потом сделаю еще что-то не менее значимое.

Друзья, вы, конечно, знаете (особенно те, кто присутствовал на моих выступлениях), что я люблю демонстрировать фотографии. На последних Алексеевских чтениях я этого не сделал потому, что было близко окончание чтений, все утомились и я не стал никого задерживать, хотя принес их с собой. А сейчас я сделаю это, но не просто продемонстрирую одну фотографию, а подарю ее Алексею Павловичу. Эту фотографию не видел никто. Вот она [демонстрирует фотографию]. Это Сергей Сергеевич в своем екатеринбургском (свердловском) домашнем кабинете. Съемка сделана 8 мая 2010 года вашим покорным слугой. Я назвал эту фотографию «Осень патриарха». Потому что это уже конец жизни и здесь видно, что взор Сергея Сергеевича устремлен в себя, внутрь себя. Он здесь как бы осмысляет свою прожитую жизнь. Здесь у Сергея Сергеевича очень выразительное, на мой взгляд, лицо. Поэтому я сделал на фото еще врезку – крупно – этого лица. Я подписал фотографию (упомянул здесь наше обсуждение книги) и вручаю ее Алексею Павловичу [вручает фотографию; она публикуется здесь].

Осень патриарха. С. С. Алексеев в своем домашнем кабинете. Екатеринбург, 8 мая 2010 г. (Съемка – М. Ф. Казанцев). Эту фотографию М. Ф. Казанцев подарил А. П. Семитко во время своего выступления на обсуждении книги. Публикуется впервые с согласия автора

А теперь вот это финальное действие. Некоторые коллеги уже знают, что Институт философии и права УрО РАН, в котором в самом начале работал Алексей Павлович и даже заработал научное звание старшего научного сотрудника РАН, и сейчас с гордостью его указывает среди своих званий, хотя это для него уже устаревшее понятие – старший научный сотрудник. Институт помнит и Алексея Павловича, и Сергея Сергеевича, точнее, наоборот: Сергея Сергеевича он помнит и Алексея Павловича тоже. К 100-летию Сергея Сергеевича Институт философии и права УрО РАН учредил памятную медаль Сергея Сергеевича и памятный нагрудный знак. Это не просто зна-

ки к юбилею. Это – награды. И вот позавчера директор Института Виктор Сергеевич Мартянов издал приказ, которым наградил Алексея Павловича памятной медалью и памятным нагрудным знаком. Вот копия этого приказа, которую я вручу чуть позднее Алексею Павловичу. Зачитаю ту формулировку, те заслуги, в связи с которыми он удостоен таких наград (я их помню наизусть, но боюсь совершить ошибку даже в одной букве):

«В знак признания заслуг в сфере науки, в изучении и популяризации творчества С. С. Алексеева, выразившихся, в частности, в написании книги “Учение С. С. Алексеева о праве: краткая научная биография”. Екатеринбург, 2024, 806 страниц (не 805, как в самой книге написано, а 806, это самая мелкая ошибка в этой книге, но не единственная), приказываю: наградить памятной медалью к 100-летию Сергея Сергеевича Алексеева и памятным нагрудным знаком С. С. Алексеева Семитко Алексея Павловича, декана юридического факультета, заведующего кафедрой публичного права Гуманитарного университета (г. Екатеринбург), доктора юридических наук, профессора».

И директор Института уполномочил меня на вручение Алексею Павловичу нагрудного знака, вот он и удостоверение к нему. Это ведь награда, а не какой-то пустяк. Поручил вручить, а точнее, прикрепить к лацкану пиджака этот знак, чтобы всю оставшуюся жизнь Алексей Павлович ходил в этом пиджаке с этим знаком, не снимая его [М. Ф. Казанцев прикрепляет нагрудный знак к лацкану пиджака А. П. Семитко, после чего тот благодарит М. Ф. Казанцева и в его лице ИФиП УрО РАН].

Кто-то может спросить: а где медаль? А вручить медаль директор ИФиП УрО РАН меня не уполномочил.

Тарасов Н. Н. (реплика). Это напоминает Печкина: я Вам посылку принес, но я Вам ее не отдам.

Казанцев М. Ф. У Николая Николаевича своеобразные аналогии. Дело в том, что медаль Институт вручит Алексею Павловичу в здании Института после отпусков и, очевидно, после прочтения научного доклада. Время и место (ну, место уже определено) мы с вами согласуем. Но, друзья, чтобы ситуация не выглядела совсем как у Печкина в интерпретации Николая Николаевича, я вам покажу эту медаль, но не отдам. Вот, друзья, эта медаль, здесь – изображение Сергея Сергеевича. Мы долго над ним работали, и оно очень понравилось дочерям Сергея Сергеевича. Эти медали им тоже были вручены. Они очень были рады. А на обороте написано вот что: сверху – «Возвышение права» и дальше – «Правовед Законотворец Основатель» (это ипостаси Алексеева) и годы его жизни. Благодарю Алексея Павловича за то, что собрал нас здесь – не только для обсуждения своей книги, но и ради памяти Сергея Сергеевича.

А теперь... Есть еще две секунды? Теперь все же две реплики. Вот тут Николай Николаевич поделился своими мифами о создании Конституции Российской Федерации и Гражданского кодекса.

Кратко о Конституции. Проект Конституции, подготовленный под эгидой Российского движения демократических реформ (РДДР) и известный как альтернативный проект Алексеева – Собчака (в его разработке участвовали также Калмыков и Хохлов), оказал влияние на действующую российскую Конституцию, но влияние опосредованное, через другой проект, который в конечном счете и стал Конституцией Российской Федерации. Первоначальная редакция этого проекта была создана по поручению Президента Ельцина двумя правоведом – Сергеем Сергеевичем Алексеевым и Сергеем Михайловичем Шахраем (его нередко называют проектом Алексеева – Шахрая). При этом в ходе подготовки проекта никто не доминировал. Нельзя сказать, что его сконструировал Шахрай, нет! Это – плод их совместного труда. И в подготовке проекта Алексеев использовал наработки альтернативного проекта. Затем разработанный Алексеевым и Шахраем проект Конституции был представлен главам российских регионов, а потом дорабатывался на Конституционном совещании. Разумеется, проект не мог сохраниться в первоначальном виде. Он претерпел большие изменения, в том числе на последнем этапе доработки в недрах администрации Президента. И уж, конечно, вот

там-то Шахрай имел большие возможности. Точнее, он-то как раз и имел эти возможности, а Сергей Сергеевич – нет. И он был расстроен тем, что конечный проект вышел не совсем таким, каким бы он хотел его видеть.

Что касается Гражданского кодекса, то здесь обращу внимание на одну деталь. Николай Николаевич представил дело так, что Сергей Сергеевич приехал в приемную Ельцина и там некоторое время прождал, а потом все же Ельцин его принял. Не так дело было, не совсем так. Сергей Сергеевич все это время, когда шли пертурбации с кодексом, был на операции в Германии, у него была операция на сердце. Он вернулся, С. А. Хохлов сразу ввел его в курс дела, и Сергей Сергеевич начал действовать. Что он сделал? Он написал письмо Ельцину. Хохлов тут же везет его в Кремль, передает В. В. Илюшину, помощнику Ельцина. Тот кладет его на стол Ельцину, который читает письмо и приглашает к себе Алексеева, сам приглашает. Может быть, он какое-то время и ждал в приемной, я этого не знаю. Но то, что дело было именно так, я знаю из уст самого Сергея Сергеевича. Он мне это рассказывал, прошу прощения, как нештатному своему биографу. Ельцин и Алексеев беседовали около часа. Эпизод с Кодексом Наполеона там присутствовал, здесь я ничего не скажу. Конечно, история с Кодексом Наполеона некоторое эмоциональное воздействие оказала на Ельцина, но только лишь как рядовой момент наряду с другими. Просто Сергей Сергеевич в письме и в устной беседе убедил Ельцина, что надо Кодекс подписать несмотря на то, что его отклонил Совет Федерации, но отклонил с нарушением конституционного срока. И это дало Ельцину еще и юридическую зацепку, но если бы не Алексеев, то эта юридическая зацепка не сработала бы. Кодекс появился бы, но позже и, очевидно, в другой редакции. А то, что мы имеем Конституцию и Кодекс – два важнейших акта, к которым приложил руку Сергей Сергеевич, и, более того, он их инициировал (он сам об этом пишет), – это, в общем-то, факт.

Пожалуй, и все на этом. Спасибо!

Грибанов Д. В. Спасибо большое, Михаил Федорович! Уважаемые коллеги, Михаил Федорович подготовил настоящий сюрприз. Ни Алексей Павлович, никто другой не знал, что будет такое вручение, и это особенно приятно. Михаил Федорович, если сочтете возможным, попросите эту фотографию Сергея Сергеевича «Осень патриарха» для нашего кафедрального архива.

Казанцев М. Ф. Конечно, Дмитрий Владимирович, но без права публикации.

Грибанов Д. В. Разумеется, Михаил Федорович.

Уважаемые коллеги, продолжаем нашу работу. Слово для выступления предоставляется Татьяне Васильевне Кашаниной, профессору кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, почетному работнику высшего профессионального образования РФ, доктору юридических наук. Татьяна Васильевна, просим Вас.

Кашанина Т. В. К выступлению я готовилась, готовилась. Сначала хотела книжку взять на отдых и там почитать. Но поскольку у нас заседание, значит, все освоено так, как полагается. И свое выступление я хочу разделить на три части. Вот первое, конечно, о книге, которая нас объединила, которая нас собрала: 805 страниц! У меня были толстые книжки, но, по-моему, 800 с лишним не было. И я знаю, как тяжело это писать, по сноскам я определила, что Алексей Павлович писал не меньше пяти лет. Так? Ну, это по моим подсчетам. Вот такой гигантский труд. Как я оцениваю? Я оцениваю как то, что Алексей Павлович Семитко поставил памятник Сергею Сергеевичу Алексееву и продлил его научную жизнь. Скорее всего, она предназначается не обязательно молодым, у которых не известно, дойдут ли руки до такого фолианта. Они к этому непривычны. Эта книга важна для нас вот в каком плане. Сейчас, когда автор подает статью в журнал, то видит требования во многих журналах: не делать сносок в своей статье на работы, которые написаны более чем 10 лет. Так?

Вот и получается, что наследие Сергея Сергеевича отсекается. Хочешь – не хочешь, но мою статью не примут. Не выполняешь требований. И получается, что тогда можно

как сделать? Можно сослаться на книгу Семитко и говорить, что вот Сергея Сергеевича цитирую по вот такой-то книге, а она новенькая, хорошенькая и еще будет долго жить. Вот это для нас очень большое подспорье. И, конечно, это продление жизни, научной жизни Сергея Сергеевича. Наверное, это главное для нас, любящих его учеников. Так, и вот смотрите, эту книгу я еще в другом плане воспринимаю: как историю теории государства и права. Если так обратиться и посмотреть: а какие там проблемы затрагивались Сергеем Сергеевичем? А все! Вот кто-то сегодня сказал, что он все вопросы затрагивал. Поэтому получается, что эта книга – это история теории государства и права на примере одного человека.

И вот, действительно, если эта книга будет переиздана, обязательно ей нужно дать, скажем так, жизнь широкую и долгую, то тогда можно было бы после соответствующего переформатирования и прочее так и назвать: история теории государства и права. А почему бы нет? Она бы привлекла очень много читателей. Действительно, история теории – это что-то необычное. Вот в таком ракурсе я эту книгу вижу.

Теперь о книге, о содержании. Что я узнала? Кое-что новенькое узнала. Вот, в частности, я узнала о том, что система права понимается Сергеем Сергеевичем очень сложно: система права – это оболочка, молекула, а внутри там составные части, ядро, ядрышко, что еще там? Митохондрии и так далее, составные части. А связь между этими частями – это структура. Вот таким образом понимается система. А внутри составные части и между ними связи. Может быть, я как-то несколько упрощенно понимала, считая, что система – это части, а структура – это между ними связь. Очень интересно. Хорошо, что разъяснил Алексей Павлович.

Во-вторых, ну, наверное, я еще не такая была взрослая, когда шла дискуссия не на жизнь, а на смерть по поводу хозяйственного права. Но рубились люди по-крупному, как я поняла, да и проиграли все, в том числе и Сергей Сергеевич. Проиграли те, кто не признавал хозяйственное право в качестве отрасли. Победили те, наконец, кто сегодня представляет предпринимательское право: сквозь бетон советской системы права они заметили ростки какого-то нового будущего общества и заговорили о хозяйственном праве, которое переросло в предпринимательское право. Хорошая дискуссия, такая острая была. Мне тоже показалось любопытным, что, описывая вообще, как росло учение о системе права, Алексей Павлович донес такую мысль, которая сейчас как-то для нас кажется очень уж простой. Ведь, в частности, помнится, что раньше для классификации права на отрасли использовали предмет правового регулирования, и всё. То есть мог быть хоть миллион отраслей, но такой подход был. И лишь потом добавился еще один критерий – метод правового регулирования. Однако не знающие историю государства и права отраслевники продолжают придумывать бесчисленное количество отраслей, называя их по-разному. Они, видимо, не знают основ теории и считают, что выделение такого-то «куска» общественной жизни дает основание объявить и его отраслью. Слушайте, ну это же история теории. Надо бы, конечно, отраслевикам в этом плане учитывать то, что теорией уже наработано. Еще я очень долго искала, ведь к двум критериям деления права на отрасли добавляется, и мы признаем это априори, наличие крупного законодательного акта. Я думаю: кто же выдвинул идею о третьем критерии? И вот я нашла, Алексей Павлович, в вашей книжке: это сделал Алексеев. Так я посмотрела, у меня эта книжка есть. Но он это сделал как бы через запятую: ну, да, и это тоже, и дальше пошел. И вот это как-то мало кто замечает. А это серьезный третий критерий для выделения отраслей.

Конечно, интересно было мне фрагменты этой книги читать, где рассказывается, как во Франции понимается теория права. А мы вот такие в этом плане, мы лучше выглядим. И очень примечательно, что какая бы дискуссия ни возникла по какому-то вопросу, Алексей Павлович это все отмечает. Он бросается на защиту Алексеева как лев буквально, приводя серьезные, убойные аргументы. Вот, думаю, каков ученик, который так любит учителя, что он огрызается лучше, чем сам учитель, когда его критиковали!

Это книга, конечно, совершенно замечательная. И если она попадет в РИНЦ, то надо бы постараться, чтобы там был обеспечен открытый доступ к ней для всех. И она, конечно, сыграет очень благотворную роль в нашей юридической науке, в нашей теории. И я еще раз повторю, что Алексей Павлович продлил с помощью этой книги научную жизнь учителя.

Но есть и другой способ. Ну, не все же такие сильные, что могут написать такую книжку, еще одну или третью? Нет, можно в этом плане по-другому работать. Так вот, я, допустим, делаю малые шаги: берешь какую-то проблему и начинаешь ее разрабатывать с опорой на идеи Алексеева. И, понятно, прошло много времени с момента написания его работ, и начинаешь выступать в качестве продолжателя тех идей. И это неплохой способ продления жизни учителя, даже очень неплохой. Последнее время я занималась исследованием механизма правового регулирования, что-то там пришлось покритиковать, но, по-моему, критиковать там особенно было не за что: «механизм правового регулирования» – конструкция очень прочная. Я решила продолжить и, в частности, исследовала оболочку этого механизма правового регулирования. Это – правовое воздействие. И, допустим, так я предлагаю читателям познакомиться с учением Алексеева относительно механизма правового регулирования.

Дальше вот такой момент. Алексей Павлович в своей книге выделил параграф «Воспоминания» («Личность С. С. Алексеева: воспоминания, оценки, факты»). Прочитала я с удовольствием. И у меня тоже есть воспоминания, но я там себя не нашла. И сейчас объясню почему.

И теперь вторая часть моего выступления – это воспоминания, так скажем, о моем пребывании на кафедре теории государства и права. А я там пребывала не очень долго, три года. Я поступила в аспирантуру на два месяца позже и уехала на два месяца раньше, досрочно защитив диссертацию. Но вместе с тем я, конечно, кое-что и понаблюдала, заметила. Вот первое, что мне бросилось в глаза, это то, что на кафедре теории так плохо относятся, не воспринимают вообще женщин в качестве ученых. И прежде всего это относится к Сергею Сергеевичу. Ну да, были, наверное, для этого основания. В частности, у него было много срывов с женщинами-аспирантами. Да, сплошь были срывы. И тут нарисовалась я, целевая аспирантура у меня была. И что он должен делать? Принять, раз министерство выделило место, и меня он принял холодно, и холодно всегда так относился. Но именно вот это я заметила – некоторую патриархальность, в научном отношении, конечно. Отношения-то были хорошие, но вот с таким налетом... И я думаю, что основания для этого были не только в качестве срывов с аспирантками, а в связи с тем, что, действительно, женщине в науке очень тяжело, ведь помимо работы и занятия научной работой нужно еще свои природные функции выполнять: деторождение, выхаживание детей и т. д. Одним словом, для такого отношения были основания, и жизненный опыт говорил о том, что сочетать научную работу и формулу «муж, дети и кухня», действительно, сложно. И когда, собственно, я уехала, то сказали на кафедре: ну и прекрасно, баба с возу – кобыле легче. И за эти годы, когда, действительно, у меня была пауза на 14 лет, я родила двоих детей и воспитывала их до школы и далее всегда. Потом я начала заниматься наукой. Но за эти годы я никогда не получала приглашений на конференции в СЮИ²¹, никогда, ни одного. Я там была за эти годы всего два раза: один раз, когда был юбилей СЮИ, и второй раз, когда у В. Д. Перевалова был юбилей. Ну, и третий раз – в прошлом году, на юбилей, 100-летие Алексеева. Так разве можно утверждать, что патриархальное начало не присутствует на кафедре теории государства и права? Я думаю, что присутствует. А вот теперь возьмем сегодняшнюю программу. Посмотрите, как составлена программа. Выступают мужчины, а женщины – по остаточному принципу: женщины в конце, как у нас аспирантов обычно в конце ставят, обычно руки не дойдут. А вы, аспиранты, женщины в данном случае, не обижайтесь – вот как-то так. Это тоже элементы – отголоски той атмосферы, которая

²¹ СЮИ – Свердловский юридический институт.

царила на кафедре теории государства и права, когда я там пребывала. Это первое мое воспоминание. Понимаете? И дальше. А, кстати, могу в качестве ремарки заметить, что, действительно, Сергей Сергеевич и меня тоже как-то не воспринимал. Ну, уехала и всё, до свидания, и вдруг я в 1999 году получаю бандероль, тяжелую, читаю: Екатеринбург. Алексеев. И что же? Это он мне подарил книгу «Право: Опыт комплексного исследования», подписал и вложил записку: «А я не знал, что ты такая сильная». Ну, типа подпись. Я думаю: а в чем сила? Бицепсы? Так у меня их отродясь не было. Ну, я поняла так, что выдержала двойной груз. И дети, муж и кухня – вот эту триаду и плюс еще научная работа, когда уже начала что-то писать. Ну, ладно, это вот первое воспоминание.

Второе воспоминание, которое я прочла у Алексея Павловича, – это воспоминания о том, как Сергей Сергеевич лекции читал. Вот я не согласна с тем, как вспоминают о его лекциях. Я эти лекции постоянно посещала, сидела в зале, который со ступеньками на заднем ряду, и передо мной была вся аудитория. Да, читал он скупно, неэмоционально, тихим голосом, структурно, дисциплина была хорошая. Но я видела, что 17-летние люди – это, понимаете, еще дети, им вот эта неэмоциональность... Нелегко они все это воспринимали. Они успевали не только поговорить, но и записать, поскольку лекция структурная была. А вот кто читал лекции, действительно, захватывающе, так это В. М. Корельский, потому что он был другого психического склада. У Сергея Сергеевича лобная часть мозга доминировала: он аналитически все-таки выкладки делал, а у Корельского, скорее всего, височная часть мозга доминировала, где центр речи, центр словообразования. И конечно, Корельский сам, во-первых, заводился на лекциях и всю аудиторию заводил. Поэтому если сравнивать вот эти лекции Алексеева и Корельского, то, конечно, Корельский выигрывает. Студенты – дети, им нужны эмоции. Аналитика – это еще не про них, поскольку лобная доля у человека развивается только к 25 годам. Понимаете? Поэтому вот да, не согласна.

Дальше: еще одно такое воспоминание. Я когда там пребывала, то замечала вот что: Алексеев приходит на работу к часу, то есть к 13 часам, не раньше. И это повторялось каждый день: в одно и то же время, не раньше и не позже. Я удивлялась: а почему именно так? Но потом я поняла, что, наверное, день так у него устроен: в начале, когда у нас у всех кортизол на высоком уровне, лучше голова работает. Хорошо бы, конечно, и поработать интеллектуально, поскольку интеллектуальная работа – тяжелая работа. А потом, когда уже, собственно, какая-то часть сделана, можно и отдых дать, а еще и с прогулкой до СЮИ, и вообще прекрасно. Я это так потом понимала. Еще один момент я заметила. Смотрите, значит, вот прогулка среди дня. Ну, то есть физкультура плюс солнцестояние – это же энергетическая подпитка любого человека гарантирована. Это он использовал, и я, кстати, тоже использовала это для себя. Это очень выигрышно – выйти среди дня на солнце, 30 минут там побыть. Замечательно! Это я у него, как говорится, взяла. Еще один момент. Я замечала, что вот он приходит в академию каждый день. Чаще всего он приходил мрачный, но не злой. Мрачный, неразговорчивый, но ни на кого не бросался. Значит, неразговорчивый, и видит, что я сижу на кафедре. Ну, не зря же сижу. Я хочу что-то спросить, но он меня не замечает. Потом, значит, я все-таки набираюсь храбрости и спрашиваю. Он что-то буркнул и пошел. Чего к чему, не поймешь. Ну, ответа не получила. Но иногда придет – и человека как подменили! Веселый, радостный. И замечает, что здесь и Татьяна Кашанина сидит, и тогда подходит и говорит: «Таня, у тебя какие-то проблемы?» Я говорю: «Ну, да, есть вопрос». – «Ну, давай решим». Видите – совершенно всё другое! Я думаю: почему же это так? Какая-то, что ли, эмоциональная нестабильность? Меня это сильно напрягало. И потом я, рассмотрев свое поведение, обнаружила это у себя и пришла к выводу, что у меня такое же психологическое состояние. С чем оно связано? Когда ты работаешь над какой-то проблемой, пишешь книгу или, допустим, статью и, завершая кусок своего труда, понимаешь, как хорошо продвигается работа, тебя охватывает такая эйфория. Ну, что катарсис, я не скажу, конечно, это слишком, но, безусловно, эйфория, хорошее, радост-

ное настроение. Вероятно, в такие периоды и у Алексеева было хорошее настроение. И когда он приходил в таком настроении, было приятно общаться. Он – замечательный.

Грибанов Д. В. Татьяна Васильевна, две минутки у Вас, две минутки. И не из патриархальных соображений. Регламент.

Кашанина Т. В. Да, да, действительно. И последнее, о чем бы сказала, это его скрытность. Но скрытность совершенно оправданная. Я три года там была, в то самое время, когда он работал над книгой «Структура советского права». Понятно, я не знала об этом и, вероятно, мне и не надо было знать. Но ведь не знали и члены кафедры, и никто не знал. И только когда книга вышла, мы узнали об этом. Почему такая скрытность? А в общем-то, оправдано. Не говори гоп, пока не перепрыгнешь. Это такая пословица есть, но она оправдана психологически. Мозг, когда ты озвучиваешь свои планы, как бы ставит стоп. Работа сделана. И дальше, после того как озвучиваешь, работа не идет, она стоит. И, вероятно, этим объясняется и обосновано вот это желание Алексеева не говорить о своих планах до тех пор, пока они не будут выполнены. Ну, вот такие мои воспоминания. Я завершила, регламент закончился. Спасибо.

Грибанов Д. В. Спасибо большое, Татьяна Васильевна. Продолжу то, о чем Вы говорили. На самом деле, отдельно давайте выразим благодарность Алексею Павловичу: действительно, проект у него совершенно некоммерческий, и книга находится в общем доступе для всех, и в том числе она есть в РИНЦ. И мы Вам и всем сейчас в чат выложили ссылку, где Вы найдете книгу: она выставлена в РИНЦ в полном объеме. Татьяна Васильевна, пожалуйста, смотрите ссылку²².

Кашанина Т. В. Отлично, отлично.

Грибанов Д. В. Уважаемые коллеги! Слово предоставляется Владимиру Владимировичу Яркову, заведующему кафедрой гражданского процесса Университета имени Яковлева, заслуженному деятелю науки Российской Федерации, доктору юридических наук, профессору. Пожалуйста, Владимир Владимирович.

Ярков В. В. Уважаемые коллеги, добрый день! Прежде всего я хотел бы поздравить кафедру теории государства и права, потому что на кафедре произошел какой-то научный взрыв. Я не успел только прийти в себя от чтения книги Сергея Ивановича Архипова о правовом прогрессе²³. И вот уже книга Алексея Павловича Семитко. Вы задаете нам всем такую великолепную планку, и мы с хорошей белой завистью смотрим на Вас. Нам надо тоже к этому же стремиться. Поэтому мои поздравления кафедре! И что при этом важно: оба уважаемых профессора, авторы прекрасных книг – А. П. Семитко и С. И. Архипов – достойные ученики Сергея Сергеевича Алексева, продолжающие развивать «Алексеевскую» научную школу теории права на том высоком уровне, который был задан самим С. С. Алексеевым.

Что хотелось бы сказать о книге Алексея Павловича? По сути дела, Алексей Павлович основал, я бы сказал, такую науку – Алексееведение. Потому что, в самом деле, наследие такого великого ученого, специалиста, которого мы все знали, конечно, будет продолжено, видимо, и другими авторами, и тобой, Алексей Павлович. Но, главное, что ты – зачинатель, ты сделал это первым. И это огромный труд. Потому что я помню, как ты мне подарил книгу-переиздание «Социальная ценность советского права»²⁴. И там как раз была твоя вступительная статья. Я ее прочитал и говорю: Алексей Павлович, это же, по сути дела, самостоятельное, отдельное произведение, развивающее идеи Сергея Сергеевича.

²² Книга размещена в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU (URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82384736>).

²³ Архипов С. И. Правовой прогресс: зарождение, развитие, кризис идеи. М. : Норма : Инфра-М, 2025. 272 с.

²⁴ Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе / С. С. Алексеев ; предисл. С. А. Степанова ; вступ. ст. А. П. Семитко. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. LXXX, 223 с. (Серия «Предназначение и могущество права»).

Поделюсь парой воспоминаний о личности Сергея Сергеевича. Я помню, он тогда вел с некоторой периодичностью кружок по теории государства и права, который был по своей сути аналитическим клубом. Я помню, мне кажется, это по четвергам было в 15:00. Сергей Сергеевич был человек, который ценил чужое и свое время. Если я не ошибаюсь, он вел его ровно один час, так ведь, Сергей Иванович [Архипов]? Ровно один час. Но за этот час он успевал поставить тему, обозначить определенные позиции, и было видно, что он какие-то свои идеи, что называется, обкатывал. У меня, к сожалению, мало что осталось в памяти, но одно осталось. Он как-то раз поставил на таком кружке вопрос: а что такое право? Потому что некоторые коллеги говорят, что профессор С. С. Алексеев был позитивист, а это было начало 80-х годов XX века. Сергей Сергеевич говорил: давайте подумаем, а что такое право? Ведь есть более мощные, сильные регуляторы отношений в обществе, чем право. Но он говорил о религии, обычаях и так далее. Что-то еще, уже в деталях, в памяти не осталось. Но я к тому, что он задумался, хотя, может быть, не писал об этом тогда, над этими вопросами. Это бесспорно. И второе, что вспоминается, – это его открытость, доступность. Он был человек, открытый ко всему. Это видно из его работ, в которых появилось много переводных книг, например Цвайгерта и Кетца, Рене Давида и так далее, на которые он ссылался и которые комментировал.

Или я помню момент, когда Сергею Сергеевичу присвоили звание почетного профессора – *Honoris Causa* – в университете Париж XII, я специально ездил на эту торжественную церемонию. Я запомнил его замечательный доклад и неподдельную симпатию французских профессоров к нему, их интерес к идеям, которые он излагал. И даже сам уход из жизни Сергея Сергеевича Алексеева в мае 2013 года, в период работы IV Санкт-Петербургского Международного юридического форума. Тогда я был участником этого форума. Помню, форум прервался, и мы все отдали дань уважения великому человеку, простились с ним.

Что касается влияния идей С. С. Алексеева, то, как представитель называемой нами отраслевой науки, я согласен с тем, что, как, Алексей Павлович, ты правильно сказал, Сергей Сергеевич выстроил солидную теоретическую платформу для всей юридической науки. Он высказал целый ряд сквозных идей, на основе которых, или сквозь призму которых, можно было совершенно иначе раскрыть и увидеть решение сложных теоретико-прикладных вопросов. Если посмотреть работы 70–80-х годов XX века, то не было ни одной работы, – что по гражданскому, что по уголовному праву, что по процессу, – которая обошлась бы без ссылок на Сергея Сергеевича Алексеева. И все мы так или иначе проецировали его общие теоретические положения на отраслевую науку. И это всем нам очень помогало, очень существенно. Приведу несколько примеров. В свое время В. М. Горшеневым была высказана идея (кстати, он же работал в Свердловском юридическом институте) юридического процесса. И тогда у нас был такой подход в науке процесса, согласно которому нет в чистом виде процесса, а есть земельный, водный, воздушный процесс и так далее, и любая отрасль права делится на материальное и процессуальное. И Сергей Сергеевич, как мне кажется, правильно прервал эту дискуссию, и мы, поняв это, в науке процесса как раз ссылались на него. Он правильно написал в книге «Социальная ценность советского права», что объединение всех видов юридических процедур под рубрикой процесса приводит к обескровливанию, к выхолащиванию этого богатого и содержательного понятия. То есть он четко разграничил судебный процесс и остальные юридические процедуры. Он писал об этом в начале 70-х годов XX века, но, по сути дела, он во многом здесь был провидцем, потому что затем, когда наступила новая эпоха, то именно особое место правосудия показало, что мы не можем объединять под одной крышей судебный процесс с какими-то юридическими процедурами. Я подготовил одну статью к 80-летию С. С. Алексеева, она так и называлась «Влияние идей профессора

С. С. Алексеева на развитие науки гражданского процесса»²⁵, а затем, к 100-летию со дня его рождения, следующую – «Идеи профессора С. С. Алексеева и наука гражданского процессуального права»²⁶.

Или еще пример его влияния на науку гражданского процесса. Это вопрос, связанный с социальной ценностью процессуальной формы. Здесь тоже мы восприняли его идеи: наши профессора В. М. Семенов, К. И. Комиссаров обосновали свойства гражданской процессуальной формы как особой формы, ссылаясь как раз на те положения, которые обосновал С. С. Алексеев. Сергей Сергеевич писал о нормативности, формальной определенности, принудительности, динамизме и так далее. Я не буду здесь входить в детали.

Или, например, казалось бы, такой чисто нормативистский вопрос – построение системы права. Тоже у нас была большая дискуссия о содержании предмета гражданского процессуального права: есть узкий, широкий подходы, его включали в судебное право, В. М. Горшенев – в юридический процесс. Как поступил Михаил Кузьмич Юков, ученик, кстати, С. С. Алексеева, у него кандидатская диссертация была по процессуальным отношениям. Но если мы посмотрим автореферат, то там указан как научный руководитель Сергей Сергеевич Алексеев, хотя диссертация писалась по нашей кафедре [гражданского процесса], и он в своей, уже докторской, диссертации «Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права» разрешил эту проблему просто: он взял учение С. С. Алексеева о фундаментальных профилирующих отраслях права и вторичных правовых образованиях – то, о чем писал Сергей Сергеевич Алексеев в «Проблемах теории права» (1972–1973), в «Общей теории права» (1981–1982). И М. К. Юков показал, что само гражданское процессуальное право – это фундаментальная профилирующая отрасль, спроецировав идею С. С. Алексеева на конкретную науку гражданского процесса. Другие правовые явления, которым мы не находили места или находили им разное место, такие как арбитраж, нотариат, третейский, товарищеский суды, исполнительное производство и так далее, он отнес к вторичным правовым образованиям. Как видно, методология С. С. Алексеева позволила четко разрешить этот вопрос.

Поэтому хочу сказать: очень много работ по отраслевым наукам построено на фундаменте теории права. Например, у меня было докторская диссертация по юридическим фактам в гражданском процессе. Помню, светлая память моему научному руководителю профессору Ю. К. Осипову, который так и сказал: Владимир, возьмите работы С. С. Алексеева, В. Б. Исакова, у последнего тогда было две диссертации по фактам и фактическим составам (кандидатская, докторская), и спроецируйте их на нашу сферу – на гражданский процесс. Метод гражданского процессуального регулирования тоже здесь взят за основу в работах по процессу – те четыре или пять характеристик метода, о которых писал С. С. Алексеев, проецировались на нашу сферу.

Николай Александрович Власенко правильно говорил, что Сергей Сергеевич, его идеи, все это будет жить долго. Мне нравится красивая фраза, написанная на памятнике Иосифа Бродского на латыни: «Letum non omnia finit» – «Не все кончается со смертью». И творчество такого человека, как Сергей Сергеевич Алексеев, ждет огромное продолжение. И вклад книги Алексея Павловича Семитко колоссален, потому что он позволял новому поколению понять, приблизиться к Сергею Сергеевичу и идти дальше.

Ранее уважаемый академик Саидов процитировал А. С. Пушкина. А у А. С. Пушкина, помните, есть посвящение В. А. Жуковскому – «К портрету Жуковского». Он писал:

²⁵ См.: Ярков В. В. Влияние идей профессора С. С. Алексеева на развитие науки гражданского процесса // Цивилистические записки : межвузовский сборник научных трудов / [редкол.: С. С. Алексеев (пред.) и др.]. Вып. 3 : К 80-летию С. С. Алексеева. М. : Статут : Ин-т частного права, 2004. С. 98–112.

²⁶ Ярков В. В. Идеи профессора С. С. Алексеева и наука гражданского процессуального права // Вестник гражданского процесса. 2024. Т. 14, № 3. С. 47–65. DOI 10.24031/2226-0781-2024-14-3-47-65.

«Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль...»

Наверное, можно так сказать и о творчестве Сергея Сергеевича Алексева. Спасибо. **Грибанов Д. В.** Владимир Владимирович, спасибо большое. Уважаемые коллеги! Слово предоставляется Сергею Ивановичу Архипову, профессору кафедры теории государства и права имени Сергея Сергеевича Алексева нашего университета, доктору юридических наук. Просим Вас, Сергей Иванович.

Архипов С. И. Добрый день, уважаемые коллеги! Я согласен с той мыслью, которая сегодня прозвучала, что работа Алексея Павловича Семитко – это, по сути, памятник Сергею Сергеевичу Алексеву. Это действительно так. Мы можем смело это сказать, когда Алексей Павлович, обсуждая отношение Сергея Сергеевича к Канту, приводит слова Алексева «Вперед к Канту!», то есть не популярный ранее лозунг «Назад к Канту!», а именно «Вперед к Канту!». И вот работа Алексея Павловича – это движение вперед к Сергею Сергеевичу Алексеву.

Мы вновь идем к нему с тем, чтобы, действительно, переосмыслить проблемы критически и понять, что надо делать с учетом времени, с учетом обстоятельств, с учетом протекающих жизненных процессов. Надо осознать то великое творческое наследие, которое оставил нам Сергей Сергеевич Алексей.

В работе, действительно, есть три важные части, и каждая из них заслуживает особого внимания. В первой части, где Алексей Павлович обсуждает биографию, он говорит о том, что биография – это ключ к тому творческому наследию, которое есть. И можно понять не просто направление мысли, но и основные идеи, которые заложены в трудах Сергея Сергеевича Алексева. Первоначально я засомневался, но потом подумал, проанализировал и решил, что это так. Действительно, тот жизненный путь, который прошел Сергей Сергеевич Алексей, те невзгоды, те проблемы, война и вот это клеймо сына врага народа существенно повлияли на него. И, в чем я абсолютно согласен с Алексеем Павловичем, здесь есть связь. Идея свободы сыграла огромную роль в биографии Алексева, и Алексею Павловичу удалось из отдельных фрагментов, из архивных материалов, из воспоминаний, в том числе самого Сергея Сергеевича Алексева, сформировать общий портрет, картину, как сказал Б. М. Гонгалло, «великого человека и великого гражданина». Я здесь абсолютно солидарен, что, действительно картина получилась целостная. Алексей Павлович обращает особое внимание на стиль общения – научного общения – Сергея Сергеевича Алексева: это, действительно, чрезвычайно ценно, когда даже у оппонентов, когда мы, отмахиваясь от них, говорили: это несерьезно, это не так, это неправомерно, он старался найти максимум позитива, выдвинуть те аргументы, которые, действительно, работают. И посмотрите, в рамках его творчества, как человек мог переосмыслить свои взгляды, соглашаться с оппонентами, признавать свою неправоту, будучи известным профессором, лауреатом Государственной премии. Он всегда эти моменты учитывал. Мы сегодня говорили о том, что этот стиль общения проявлялся всегда и везде, и незабываема та атмосфера, которая была создана на кафедре, когда каждый мог обратиться к Сергею Сергеевичу Алексеву и когда даже в случае, если он не согласен был с какими-то нашими идеями, концепциями и т. д., он все равно поддерживал их выдвижение. И это касается и моей докторской диссертации: когда, действительно, какие-то мысли были высказаны вразрез с его идеями, он, тем не менее, оказывал максимальную поддержку, максимальную! Это – великий человек. И вот эти черты его характера, безусловно, сказывались на тех человеческих отношениях и на достижениях, которые были на кафедре. Мы вспоминали, что любое заседание шло в течение часа. И обратите внимание, он давал слово сначала молодым преподавателям, аспирантам и только потом – доцентам, профессорам. И сам подводил итог. То есть он никогда не навязывал свою точку зрения, каждый мог свободно выразить свою позицию. В том числе и в случае, если вы совершенно несогласны с тем, что звучало на кафедре. И почему в течение часа все вопросы решались?

Я вспоминаю, что когда была подготовлена к защите докторская диссертация Виктора Дмитриевича Перевалова, мне казалось, что мы сейчас будем часа два-три обсуждать. Но нет, уложились в час. Дело в том, что все вопросы были заранее подготовлены, обсуждены загодя. И причем независимо от того, читал ли кто-то какие-то фрагменты или нет, всё равно коллеги подсказывали, как лучше сделать, как усовершенствовать. Это был конструктивный диалог. Так что на кафедре происходило, по сути, подведение итогов. И поэтому, да, динамично и оперативно все вопросы решались.

Что касается второй части, где говорится о советском периоде, то здесь тоже Алексей Павлович прав, что это был специально-юридический, инструментальный период. Согласен с размышлениями Алексея Павловича, которые он высказывает в своей работе, что у Алексеева был проведен, своего рода, опережающий системный анализ, опережающий системный подход. Если мы посмотрим текст Алексея Павловича, где он говорит: возьмите 1957 год, статью Алексеева в «Советском государстве и праве»²⁷, в которой обсуждаются теоретические основы классификации отраслей советского права, – там уже использовался системный подход. А Людвиг фон Берталанфи разработывал общую теорию систем в 40–50-х годах и писал свои работы как биолог²⁸. Это другой уровень. А тут системный подход. Я начал анализировать и подумал: действительно, здесь заложен какой-то элемент, что-то ценное, важное. И Алексей Павлович дает разгадку. Он говорит: да, действительно, дело в том, что до Берталанфи, до основателей системного подхода, его фактически использовали юристы, и в том числе российские дореволюционные авторы. Я напомним, что сам Сергей Сергеевич – ученик Бориса Борисовича Черепанина. И вот эти цивилистические подходы ему были очень хорошо знакомы. А наша дореволюционная юридическая мысль основана на немецкой, на западной традиции. И Алексей Павлович прав, когда ссылается на Савиньи: Савиньи придерживался систематического метода. По мнению Рудольфа Иеринга, изложенному в работе «Историческая школа юристов», этот систематический метод укоренился в немецкой юридической литературе, а потом, соответственно, и в нашей дореволюционной. И обратите внимание на то, что обсуждает Сергей Сергеевич, когда говорит о структуре, о системе... Мы только что говорили в отношении Татьяны Васильевны Кашаниной, что там нет ссылок на нее. Есть. Алексей Павлович делает ссылки на Татьяну Васильевну, она просто не обратила внимания: во второй части работы есть ссылка на ее монографию, по-моему, 2012 года, «Структура права»²⁹. Поэтому, Татьяна Васильевна, услышьте нас: Вы там присутствуете, Вы – в наших сердцах и в тексте Алексея Павловича. И, таким образом, обсуждая парадигмальные основания теории Сергея Сергеевича Алексева, мы обращаемся к Алексею Павловичу, утверждающему: есть парадигмальные основания нашей теории. И Сергей Сергеевич Алексеев как раз исходит из этих оснований: его теория, особенно это касается механизма правового регулирования – его шедевра, структуры права, общих дозволений и общих запретов – все это построено на этих парадигмальных основаниях, и это очевидно при взгляде на наши дореволюционные произведения и работы Савиньи, откуда берется эта идея разделения системы, структуры, связей строения, функций. Это взято не в системном подходе. Это было у Савиньи, это было у Пухты, это было у Рудольфа Иеринга. Мы просто забыли классику. Это его парадигмальные основания. Мы просто выпали из темы, мы выпали из предмета. В этом наша проблема. И Алексей Павлович ставит эту проблему. Вот посмотрите, те же Савиньи и Рудольф Иеринг говорят: «Есть физиология права с точки зрения системы, функциональные связи. Есть связи строения, это анатомия права. Есть связи происхождения». Где здесь Блауберг, Садовский, Юдин? Это написано за

²⁷ Алексева С. С. О теоретических основах классификации отраслей советского права // Советское государство и право. 1957. № 7. С. 99–107.

²⁸ См., например: Системные исследования : ежегодник. 1969 : Общая теория систем: задачи и методы. Приложения системного подхода / редкол.: И. В. Блауберг, О. Я. Гельман, В. П. Зинченко и др. М. : Наука, 1969. С. 5–54.

²⁹ Кашанина Т. В. Структура права : монография. М. : Проспект, 2012. 584 с.

100 лет до Берталанфи, до Блауберга и до Юдина, а мы выпали из этой темы. И то, что Алексей Павлович к этому возвращается, совершенно правильно.

Семитко А. П. (реплика). Сергей Иванович, так я же на тебя там ссылаюсь.

Архипов С. И. Кукушка хвалит петуха... Спасибо. Поэтому в данном случае, конечно, вторая часть – это замечательно, это, действительно, очень мощно. И обсуждение механизма правового регулирования, и все, что касается развития системных представлений о праве. И то, что Алексей Павлович особое внимание уделил 71-му году – «Социальная ценность права...»³⁰, да, это действительно важно. Это, безусловно, один из ключевых моментов. И, как он правильно говорит, мостик в будущее, переход в постсоветскую эпоху, я здесь с ним абсолютно согласен. И с этой точки зрения я согласен, что все-таки надо выделять два периода: философский, кантианский период и советский период. Кант, действительно, существенно повлиял, и в особенно сильной степени – на работы позднего Сергея Сергеевича Алексеева. И призыв Владимира Николаевича [Синюкова] скорее уходить от Канта для меня неприемлем. Смотрите, какая аргументация: Владимир Николаевич говорит нам о том, что право – это локальная система, там есть более высокие ценности – религия, идеология и прочее, и прочее, и прочее. Коллеги, ну так мы опять вернемся в прошлое, мы сами себя перестанем уважать. По Канту, право – это самое святое. А мы говорим: да какая святость? О чем идет речь? Вот есть великие ценности, которые внеправовые, давайте основываться на них. И здесь абсолютно прав Сергей Сергеевич, взяв за основу Канта: право, действительно, для нас, как для юристов, должно быть самым святым, это – основа основ. А Владимир Николаевич нам предлагает: давайте вернемся к каким-то другим, более важным коммуникативным системам, другим социальным ценностям – неправовым. Ну, знаете, это опять же заставляет обратиться к Канту, который говорил, что юриспруденция – это как та голова, которая внешне прекрасна, но лишена мозга³¹. Такой путь вернет нас как раз в эту безмозглую юриспруденцию. Поэтому давайте все-таки двигаться вперед, к Сергею Сергеевичу Алексееву, и с этой точки зрения, я думаю, это движение будет в правильном направлении. Спасибо.

Грибанов Д. В. Сергей Иванович, спасибо большое. Уважаемые коллеги! Слово предоставляется Олегу Александровичу Пучкову, профессору кафедры теории государства и права имени Алексеева нашего университета, заслуженному юристу Российской Федерации, доктору юридических наук. Пожалуйста, Олег Александрович.

Пучков О. А. Уважаемые участники сегодняшнего обсуждения, приветствую вас! Должен заметить, что из нас троих, последних аспирантов Сергея Сергеевича в стенах СЮИ, я ожидал такого подобного труда, такого подвига именно от Алексея Павловича. Потому что здесь Татьяна Васильевна отметила совершенно четко и правильно, что такая была легкая отстраненность Сергея Сергеевича от аспирантов. Мы были предоставлены сами себе, так сказать, сами руководили своей работой, и только в самых крайних случаях он подключался. Но исключением был Алексей Павлович, который нашел возможность как-то общаться, и он нам передавал информацию, результаты этого общения. Я ему очень благодарен. И вот когда Алексей Павлович написал эту книгу, я подумал: как хорошо, что именно из-под его пера вышла эта книга, этот фолиант.

И вот я помню – может быть, Алексей Павлович не помнит – как он мне сказал, в 80-х годах еще, в Институте философии и права, куда я ходил на правах вольного слушателя на методологический семинар: «А ты знаешь, что Сергей Сергеевич пишет книгу об общих дозволениях и общих запретах?» Ну, естественно, я этого не знал. В ответ сказал: «Ну, что ж, будем ждать». Ну и что-то в этом роде. И теперь за то, что Алексей Павлович решил написать такой фолиант, такой труд, приношу ему огромную благодарность. Но все-таки, друзья, у нас обсуждение монографии. И здесь я дол-

³⁰ Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе / С. С. Алексеев ; предисл. С. А. Степанова ; вступ. ст. А. П. Семитко. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2019. LXXX, 223 с. (Серия «Предназначение и могущество права»).

³¹ См.: Кант И. Сочинения. Т. 4, ч. 2. С. 138.

жен заметить, что в своем выступлении Николай Александрович Власенко сослался на свою статью о Черданцеве. Я эту статью читал. Это прекрасный образчик того, как должен выглядеть труд, сочетающий научность и биографичность.

У нас сейчас на кафедре тоже готовится кандидатская диссертация. Но я думаю, что если соискательница напишет в таком духе, как написал Алексей Павлович, эту диссертацию не примут к защите. Во-первых, объем, конечно. Кому адресована эта книга? Тем, кто как-то знает тонкости теории. И Алексей Павлович, когда анализирует скрупулезно, фундаментально работы Сергея Сергеевича, то, конечно, дает образчик нашего, скажем так, отношения и метода. Но будет ли это принято? Мне, например, все-таки не совсем понравилось, потому что, во-первых, я книги сам могу почитать и читал в оригинале, так что, как говорится, нужно ли разжевывать? Или даже акценты столь скрупулезно делать, начиная с общей теории права, с четырехтомника 60-х годов? Я здесь ставлю знак вопроса. Я не знаю, может быть, так и нужно было, поскольку автор, Алексей Павлович, увлекся хронологически последовательным изложением вышедших работ Сергея Сергеевича. А что потерялось? А потерялось именно то, о чем говорила профессор Кашанина, – его личность. Где она? Он давал своим, может быть, даже молчанием то, что мы как бы видели его поведение и то, что, действительно, заседание кафедры шло один час и все укладывались, все понимали и так далее. А здесь же я лично, честно говоря, ожидал большего.

Фигура Сергея Сергеевича заслуживала того, чтобы в большей степени был сделан акцент на личности. Конечно, может быть, кто-то со мной не согласится, но я, например, наслаждался своим пребыванием на кафедре, каждым заседанием. Хотя Сергей Сергеевич говорил, когда кто-то приезжал к нам на кафедру, например А. С. Пиголкин: «А это наши аспиранты, они сами о себе скажут в свое время. Вы их узнаете». Это, в общем-то, естественно. И мне нравилась вот такая экономичность в расходовании эмоций, в расходовании, скажем так, отношения к молодежи. И в результате, как вы видите, все аспиранты Алексеева все-таки стали достойными продолжателями идей Сергея Сергеевича.

Но все-таки, коллеги, я возвращаюсь к тому, что Алексей Павлович написал огромный труд, большой, больше только Библия, но по объему, конечно. Но вы знаете, что каждые 100 страниц сверх первой сотни уменьшает количество читателей. Кто-то тут уже говорил, что наши студенты не читают текстов, а делать выжимки из работы и говорить: соизвольте проглотить, так сказать, идеи Алексеева, мне кажется, будет не очень правильно. Поэтому, конечно, здесь открывается поле для работы редактора. Я посмотрел: в макете не указан редактор. Ну, так вспомните, что даже у Маркса был редактор: второй, третий том Капитала отредактировал Фридрих Энгельс. Возьмите редактора.

Семитко А. П. (реплика). Олег Александрович, дорогой, есть там редактор, он указан на 806-й странице: С. В. Фельдман. Но, полагаю, что Вы имеете в виду научного редактора, так вот его, действительно, в книге не было. Постараюсь учесть Ваше замечание и подготовить, по возможности, краткую шпаргалку этой монографии для студентов, страничек так на 50, как это принято сегодня делать некоторыми авторами. В книге есть только литературный редактор.

Пучков О. А. Редактор есть, да? Ну, может быть. Я прошу прощения. Значит, поменяйте редактора, и это еще не поздно, потому что 800 страниц ни один студент – а у меня, по крайней мере, две сотни студентов в этом году, – не прочтает. У меня у самого рука тянулась, когда я читал книгу: вот здесь-то зачем? Ну, например, к чему рассуждение о том, является ли Алексеев романтиком права? Ну разве это важно? Вы вбухали огромное количество эмоций, энергии, чтобы доказать, что нет, ну и так далее. Здесь есть место для карандаша редактора или, как тоже кто-то отмечал, и я полностью согласен, что автор очень экономичен, скажем так, в критике работ. Но мы не критикуем, а мы просто отмечаем как значимые моменты, так и то, как воспринималась эта литература современниками. Например, я хочу сказать, что здесь цитировались работа

«Механизм правового регулирования»³², но ее москвичи не приняли и до сих пор не принимают. Из 40 учебников, вы посмотрите, в половине учебников этой главы нет. То есть всё там вертится вокруг да около. А сама терминология, она о чем говорит? О том, что Алексеев вообще совершил подвиг. Он прорвал вот эту стену московского неприятия по отношению, ну, скажем так, к провинциалам. И мы видим, что он вышел на высший уровень. И Горбачев, и Ельцин его признавали, но это было уже в другое время, конечно. Но, тем не менее, попробуйте в советское время опубликоваться провинциальному профессору в юридической литературе, а он был опубликован. И я считаю, что это огромное достижение. И, конечно, об этом надо было писать, как его воспринимали. А потом он ломал эту стену неприятия. Потом, Вы помните, Алексей Павлович, к нам на кафедру приезжали профессора, считали честью выступить на нашей кафедре. Это, допустим, и тот же А. С. Пиголкин, и Н. В. Витрук. Это были бонзы теории государства и права. Они считали за честь выступить и у Сергея Сергеевича: у него был метод такой познакомить членов кафедры со своими гостями. Поэтому все-таки есть ресурс, за счет которого второе издание было бы более компактным, более лапидарным, более убедительным, более человечным. У вас Сергея Сергеевича в работе нет. Какие-то лайт-версии вполне возможны. И труды Сергея Сергеевича этого заслуживают. Любые идеи, которые продвигают, так сказать, концепцию, парадигму Сергея Сергеевича, заслуживают одобрения. Но все-таки, конечно, нужны акценты как положительного свойства, так и такие, которые могут убрать эту лакировку. Вы прямо боитесь высказать критику, у меня такое сложилось впечатление. Возможно, я не прав. Это мое субъективное мнение, но мне кажется, что книга «Общие дозволения и общие запреты в советском праве»³³ малоудачна. Она выдержана в таком, скажем, стиле схоластики, методологического формализма. Дальше: отсутствие социологического подхода. Я уже не говорю про сравнительные, так сказать, моменты, которые могли бы в ней присутствовать. Но, все-таки, ей следует отдать должное, хотя, надо признать, юридическая общественность, – наверное, вы меня будет ругать за эту констатацию – не слишком горячо восприняла эту книгу, которую он написал уже на излете перестройки.

И последнее, ребята, ой, простите, я привык обращаться к студентам. Конечно же, коллеги. Вот Алексей Павлович несколько раз в ряде мест своей книги называет Сергея Сергеевича великим. И здесь тоже прозвучали эти оценки. Но мне этот эпитет кажется несколько преувеличенным. А как же тогда Д. А. Керимов? Я тоже читал его, у него блестящие труды. А В. М. Чхиквадзе, В. Н. Кудрявцев, а С. Ф. Кечекьян, Олимпиад Соломонович Иоффе? Или Владик Сумбатович Нерсисянц, автор либертарной теории? Мы что, не можем их считать великими? Ну, то есть, я бы хотел призвать вас подумать, уместно ли так часто использовать вот этот эпитет по отношению к нашему учителю? Все-таки здесь, мне кажется, надо быть более сдержанными. Всё это прозвучало, конечно, сумбурно, но, безусловно, большое спасибо Вам за работу, Алексей Павлович! Книга блестящая. Но читателей надо поискать этой книги. Еще раз спасибо.

Грибанов Д. В. Спасибо, Олег Александрович. Уважаемые коллеги! Слово представляется Митину Александру Николаевичу, заведующему кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, профессору кафедры теории государства и права имени Алексеева, доктору экономических наук. Александр Николаевич, прошу Вас.

Митин А. Н. Уважаемые коллеги! Честно говоря, я не ожидал сегодня критики этого большого произведения. Есть такое понятие в жизни: «научный подвиг». Вот когда по результатам этого научного подвига остается нетленка, то это как раз нетленка, по-

³² Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М. : Юридическая литература, 1966. 187 с. Переиздание: Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. 2-е изд. / предисл. В. Д. Первалова и С. А. Степанова. Екатеринбург : Автограф, 2018. 192 с. (Серия «Предназначение и могущество права»).

³³ Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М. : Юридическая литература, 1989. 288 с.; Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве (1989) // Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 2. М. : Статут, 2010. С. 225–467.

священная памяти Сергея Сергеевича Алексева. И то, что Алексей Павлович решил на это, я понимаю так, лет 20–25 жизни на это ушло, да? И это, конечно, здорово. Представлять этого более чем известного в правоведении автора нет необходимости. Талантливый ученый и добрейший человек принял решение изложить свои мысли о Сергее Сергеевиче Алексеве, с которым многие из присутствующих имели повседневные встречи, вместе работали. Были встречи и в формате кафедрального общения, и у костра, и где-то еще. То есть – обыкновенный человек, как все, человек, которого любили в коллективе. А в широком публичном формате с ним встречались уже вместе с аудиторией из других городов страны на праздновании 100-летия Уральского государственного юридического университета в Театре эстрады. Я помню, он так скромненько пытался занять, найти свое место, встать, и в конце концов ему принесли кресло, он сел слева на сцене и был достаточно скромный и такой, может быть, даже как-то удрученный тем, что предполагал, в связи со своим состоянием здоровья, что он, может быть, присутствует последний раз на таком большом мероприятии.

В чем заслуга Алексея Павловича? Он корректно, правдиво, колоритно представил образ этого незаурядного ученого. Вы знаете, надо найти в себе мужество, чтобы не критиковать учителя. Он представил материал, который рассказывает о человеке максимально все, что он знал. Но рассказывал с позиций науки, причем каждое повествование и каждое изъятие из книг Сергея Сергеевича он сопровождал своими рассуждениями и своими наблюдениями. Алексей Павлович не только правдиво и колоритно представил в книге образ этого незаурядного ученого, но и наполнил его государственно-правовой духовностью. Главы читаются так, как и писал их автор, – думая о закономерностях права и всматриваясь в образ своего учителя, который ранее размышлял о праве как инструменте, противостоящем насилию и произволу, праве, нацеленном на защиту прав личности, праве человека, о праве и опасной монаде власти, перенимая его исследовательский опыт, его наследие, на основе которых приходил и к собственным открытиям в науке. И начинает он свое монографическое повествование с семьи и семейных ценностей Сергея Алексева, где, по его впечатлениям, он получил на всю жизнь заряд духовных ценностей. Искренняя доброжелательность, взаимная выручка и взаимопомощь стали личностной ориентацией человека с детства, закрепились в годы войны и на протяжении нескольких тяжелых этапов российской государственности. В его биографии красной строкой отмечена и такая личностная ценность, как наука. Он ей посвятил всю жизнь вместе с вузом, где учился, трудился и которому, как и стране, оставил свое великолепное научное наследие. Им опубликовано более 500 произведений по проблемам теории государства и права, гражданского, конституционного права и философии права, в том числе свыше 80 книжных изданий (не считая коллективных учебников и других работ).

Алексей Павлович не в первый раз резюмирует тезис о «романтике права» С. С. Алексева, посвящая этому строки из первой главы. Великолепные наблюдения автора монографии: разграничение разных смыслов понятия «романтик». Смело добавив к характеристикам автора, что Сергей Сергеевич был не только романтиком права, но и романтиком жизни и романтиком признания императива Свободы человека: мечтатель-идеалист при различных правовых режимах.

Хорошо, что сегодня кафедра теории государства и права продолжает, образно говоря, традиции «освоения целинных и залежных трудов» мыслителя. Об этом справедливо и своевременно пишет автор монографии. Фундаментальные основания научных разработок второго этапа творчества С. С. Алексева базируются на глубоких специально-юридических достижениях мыслителя, сделанных им в советский период. Эти работы требуют от современной научной юридической общественности нового и вдумчивого прочтения, размышления, освоения. Во всяком случае, при обращении за последние 5–10 лет к диссертациям по юриспруденции, ссылки на его работы присутствуют всегда. Особенно это касается аксиологической ценности права. В нашей совместной с Д. В. Грибановым статье «Научное наследие С. С. Алексева» в 2024 году

особо отмечено: ученый мечтал, что когда-нибудь государство признает, что право – это тоже ценность, величайшая социальная ценность, в будущем современном обществе особенно³⁴.

Ценность права, таким образом, заключается в том, что оно пронизано гуманными началами. Протагорова формула «человек есть мера всех вещей...» является максимой в праве. Гуманистический характер права проявляется не только в том, что оно открывает личности доступ к благам, но также и в том, что оно выступает действенным средством ее социальной защищенности. В нынешних условиях именно от правовых решений население России ждет гарантий безопасности в условиях СВО, сохранения страны и ее отечественных традиций. Это чрезвычайно сложная задача, поскольку нескольким поколениям россиян не раз приходилось переосмысливать свои взгляды на лично прожитые ими в течение активной трудовой жизни этапы истории, привыкать к другим предлагаемым ценностям, к изменениям в системе права.

К проблематике ценностей права и ценностей в праве автор монографии возвращается в 10-й главе (10.11–10.14) при рассмотрении заслуг исследователя в аксиологическом подходе к праву. Алексей Павлович абсолютно прав, характеризуя позицию ученого в советский период развития СССР. В условиях жесткого идеологического противостояния сформировался тезис ученого о том, что «одной из великих ценностей социализма является социалистическое право», т. е. ценностью социализма как идеи является социалистическое право как идея, идеал и как цель, к которым, согласно официальным лозунгам, стремилось советское общество. Автор монографии честно отмечает, что некоторые ученые резко критиковали это мнение С. С. Алексеева. Нет никакого смысла, да и было бы крайне несправедливо, предъявлять какие-либо претензии советской науке, как и подавляющему большинству советского народа, по поводу их веры и стремления к идеалам, которые оказались недостижимыми. Лично я помню лозунг «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!». Как раз в том году в Свердловске развозили по квартирам белый хлеб в ящиках из-под мороженого на колесиках-шарикоподшипниках – половину булки на одного человека. Поэтому монография представляет истинную картину того времени, определяет ту государственно-правовую действительность. И в каждой действительности существуют еще и свои закономерности, своя жизнь, определенная бытием, а у законов – своя, созданная субъектом «законотворящим», свои политики с идеологическим замесом.

Алексей Павлович в 5-й главе, уже в который раз, свидетельствует, что Сергей Сергеевич – сторонник системного подхода. На стр. 132 он приводит ссылку на Новую философскую энциклопедию: «...основной характеристикой системы, ее инвариантным аспектом является структура, т. е. “совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих сохранение основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях”»³⁵. Это есть один из весомых аргументов А. П. Семитко о том, что системный подход позволил Сергею Сергеевичу нацелить свое внимание именно на структурный – основной – аспект системы, а также на ее функционирование, выраженное в определенной последовательности «механизменных» связей важнейших правовых явлений. Как результат, мыслитель сделал открытия, изложенные им в работах «Механизм правового регулирования в социалистическом государстве» (1966), «Структура советского права» (1975)³⁶.

Чтобы укрепить эти выводы, которые он готовил более 20 лет, показать эту выявленную ученым связь, автор монографии отмечает, что, прежде всего, им были зафик-

³⁴ Грибанов Д. В., Митин А. Н. Научное наследие Сергея Сергеевича Алексеева // Академический юридический журнал. 2024. Т. 25, № 2 (96). С. 340–353. DOI 10.17150/1819-0928.2024.25(2).340-353.

³⁵ Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 3 : Н-С / науч.-ред. совет.: В. С. Степин [и др.]. М. : Мысль, 2010. С. 647.

³⁶ Алексеев С. С. Структура советского права (1975) // Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 2 : Специальные вопросы правоповедения. М. : Статут, 2010. С. 7–224 ; Алексеев С. С. Структура советского права. М. : Юридическая литература, 1975. 264 с.

сированы важные структурные образования в праве, обозначающие наиболее развитый уровень правовой материи, который характеризует ее внутреннее устройство и выражается в «строго определенной модельной схеме или типовом построении правомочий, обязанностей, ответственности, процедур, носящих математически строгий характер».

Это и есть как раз юридические конструкции в самом точном значении этого понятия. А эти последние – что не менее существенно – есть структура также в самом точном значении, когда все ее элементы образуют устойчивое строение, «скелет», инфраструктуру типа жесткого организма»³⁷. Важно, что Алексей Павлович всегда дает необходимые ссылки на произведения ученого, как и при рассмотрении системного подхода ученого: чисто системные, так и неотрывные от него структурные характеристики права: «Каждая юридическая конструкция – это, пусть и первичное, элементарное, но уже известное “построение”, притом “системное” и “структурное”. В ней отдельные юридические элементы – права, обязанности, меры ответственности – строятся в соответствии с требованиями жесткой структуры, в четкой системной последовательности, зависимости»³⁸. По существу, это рекомендации любому исследователю в юриспруденции. Системный подход в праве позволяет увидеть правовое явление с двух сторон: с внешней – как целое, и с внутренней – как структуру, способ связи между элементами и элементный состав явления, а также выявить комплекс проблем в конкретных научных и практических областях и сформировать эффективную стратегию их изучения и последующего решения.

Мне как специалисту, который многие годы занимается изучением сложных систем, близка научная находка Сергея Сергеевича в теории права. Система есть всегда совокупность механизмов и норм, способов и методов, элементов и компетенций, создающих поле формирования процессов и процедур в той же системе государственного управления и обеспечивающих их реализацию и результативность.

На стр. 150 Алексей Павлович резюмирует: в двухтомном курсе «Общая теория права» (1981–1982) главу «Структура права» правовед поместил в раздел «Свойства права», пояснив в сноске к названию главы, что системность (структура права) – это одно из основных первичных свойств права. Первый фрагмент указанной главы называется «Право как система».

Исключительно интересно представлена в монографии глава 6. Механизм правового регулирования – выдающееся открытие юриспруденции XX века. Оно охарактеризовано в словах ученого: «Теоретическая ценность категории правового регулирования состоит, помимо прочего, в том, что она позволяет связать воедино весь комплекс юридических средств, при помощи которых осуществляется правовое воздействие на общественные отношения»³⁹. Это определение дано через призму системного подхода.

Такое системное понимание ученого представлено в дальнейших разделах при характеристике профилирующих, процессуальных и специальных отраслей права: конституционное, административное, гражданское, уголовное; процессуальные, являющиеся «продолжением» профилирующих отраслей в сфере правоохранительной деятельности государства, и специальные (трудовое, семейное, земельное и др.). Чем совершеннее правовая система, тем сложнее ее строение, многообразнее связи между ее подразделениями.

При чтении монографии удивляешься научному подвижничеству Алексея Павловича, который представил практически все научное наследие правоведа, не забыв и философию права. С. С. Алексеев, в целом давая общую характеристику философии права, пишет, что это – «наука о праве в жизни людей, в человеческом бытии. И тогда философия права предстает как научная дисциплина, которая призвана дать мировоззренческое объяснение права, его смысла и предназначения, обосновать его под углом

³⁷ Семитко А. П. Учение С. С. Алексеева о праве ... С. 134.

³⁸ Цит. по: Семитко А. П. Учение С. С. Алексеева о праве ... С. 135.

³⁹ Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. С. 18.

зрения сути человеческого бытия, существующей в нем системы ценностей»⁴⁰. Очень жаль, что постепенно из учебных дисциплин у нас ушла философия права, которую разрабатывают юристы, исходя из потребностей юридической науки и практики в осмыслении феномена права в контексте человеческого бытия и развития. Это организационная ошибка, ибо в современном звучании важности фундаментальности знаний при обучении в юридическом вузе она просто необходима.

Обращение к выводам ученого своевременно как никогда. Предмет правовопонимания в рамках философии права имеет наиболее широкие границы по сравнению с предшествующими ступенями познания права, здесь появляется научная потребность «выхода» за границы самой юридической материи. Однако при этом и на уровне философии права должна сохраниться почва права.

На стр. 726, 728 автор монографии делает вывод, который созвучен идеям ученого: история нам показывает, а либеральная интеллектуальная традиция объясняет, аргументированно доказывает, что попирает свободу и достоинство отдельной личности государству не составляет вообще никакого труда, это происходит практически автоматически, поэтому-то и требуются зрелые политико-правовые институты, развитое правовое гражданское общество, которые поставили бы этому «автоматизму» надежный барьер⁴¹. На важность уважения прав личности, его индивидуальности и достоинства всегда обращал внимание С. С. Алексеев. Вспомните его личностные ценности, приобретенные с детства.

Заключение в монографии приглашает к решению далеко не устаревших задач в условиях современности. С. С. Алексеев различал два важнейших процесса – «восхождение права» и «восхождение к праву». Первое – это правовой прогресс, развитие права от одной ступени к другой, более высокой, и в конечном счете переход к праву человека, праву гражданского общества, базирующемуся на неотъемлемых правах человека и способному возвыситься над властью, ее произволом.

Профессор Алексей Павлович Семитко, представляя грандиозный научный труд, размышляет в современном, но своем неповторимом индивидуальном научном стиле. Это другой уровень научного воззрения. Его некорректно сравнивать с уровнем мировоззрения классической школы. Здесь важны качественные составляющие. Именно в них я вижу развитие научной мысли о животворящей силе, которая наполняет позитивные научные работы Сергея Сергеевича Алексеева. В этом, в частности, и заключается смысл научной преемственности. Мы видим индивидуальную методологию ученого, его осознание личности великого правоведа, его ответственность и максимальную правдивость в разговоре о человеке, который любил жизнь во всех ее проявлениях.

В заключение два четверостишия о С. С. Алексееве, монографии и ее авторе.

В жизни били слева, справа.
Человек прошел войну.
Личный вклад в науку права
Вечный памятник ему!

Свою мысль закончил сказкой.
К доброй памяти внучат.
Миф о праве, но с подсказкой.
У Семитко здесь звучат.

⁴⁰ Алексеев С. С. Философия права: История и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы. М., 1997. С. 2 ; Алексеев С. С. Философия права (1997) // Алексеев С. С. Собр. соч. : в 10 т. Т. 7. М. : Статут, 2010. С. 11–12.

⁴¹ См.: Семитко А. П. Учение С. С. Алексеева о праве ... С. 726, 728.

Грибанов Д. В. Спасибо, Александр Николаевич, спасибо. Уважаемые коллеги! К выступлению онлайн приглашается Сергей Борисович Поляков, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Пермского филиала Высшей школы экономики, доктор юридических наук. Добрый день, Сергей Борисович!

Поляков С. Б. Добрый день, уважаемые коллеги! Большое спасибо за предоставленное слово. Меня подвигла поучаствовать в этом мероприятии идея, как ее сформулировал Николай Николаевич [Тарасов], что обсуждаемая книга нацелена на то, чтобы начали читать Алексева. И потребность в том, чтобы начали читать Алексева как студенты, так и практики, велика. И одно из другого вытекает с точки зрения практика. Я параллельно с наукой уже где-то фактически 45 лет занимаюсь разными юридическими профессиями. Последние 15 с лишним лет работаю адвокатом и глубоко убежден, что проблемы нашей юридической практики в том, что те, кто ее вершит, не усвоили того, что создано Сергеем Сергеевичем Алексевым, Александром Федоровичем Черданцевым, Валерием Васильевичем Лазаревым, Владимиром Борисовичем Исаковым, Николаем Александровичем Власенко и многими другими. Названные и ряд других ученых создали то, что, по Иерингу, отличает юриста от профана. К сожалению, несколько штрихов на эту тему приведу: решения, которые пишутся, может написать сегодня практически любой гражданин с улицы – те, которых мы встречаем сплошь и рядом. В юридической практике реально противостоять произволу власти, защищать достоинство конкретного человека можно, только вооружившись тем, что называют догмой права и искусством ее применять. Иногда мы словосочетание «норма права» как-то неуважительно начинаем применять, но от этого все и начинает зависеть. И, к сожалению, вот тот уместный и хлесткий пример про наше образование Николай Николаевич привел: оно, в общем-то, угрожает формированием в дальнейшем такой ситуации, при которой мы все больше и чаще будем встречать профанов в юридических мундирах, мантиях – тех, кто будет вроде бы как применять право, а на самом деле, будет применять свое обыденное правосознание. Но даже сегодня здесь отмечалось, что студенты у нас не читают, но как-то и наши вожди образования не задумываются над тем, чтобы заставить их читать и не давать им дипломов. А преподаватели, подстраиваясь под студентов, которые не читают, снабжают их банальной эрудицией. Николая Николаевича, может быть, и не сломают, но вот многих преподавателей ломают. И как-то у нас все больше и больше профанации. Я как практик, года два-то уж точно, практически в любом своем юридическом деле, в любом – в процессуальных документах, письменных пояснениях, ходатайствах в порядке подготовки дела к разбирательству по ст. 148 ГПК, ст. 133 АПК цитирую Сергея Сергеевича Алексева по учебнику 2008 года: решение любого юридического дела предполагает, с одной стороны, точный анализ юридических норм и выяснение того, какие факты предусмотрены нормой в качестве юридических; с другой стороны, тщательный анализ фактических обстоятельств дела и установление того, действительно ли наступили факты, предусмотренные нормой. И далее, ссылаясь в зависимости от категории дела на тот или иной процессуальный кодекс, говорю о том, что надо четко различать, во-первых, юридический факт. Второе – обстоятельства дела, соответствующие этим фактам. Третье – доказательства, то есть сведения об обстоятельствах дела, соответствующих юридическим фактам. Четвертое – средства доказывания, то есть источники доказательств. Почитайте судебные решения. В львиной доле их все это перемешано: пол, палец, потолок. Логика в рассмотрении дела нет. Да потому что не усвоили того, что у нас в учебниках, и того, что это хорошо расписано.

Вот тут было Олегом Александровичем [Пучковым] как-то так об общих, дозволенных и запретах сказано, что это что-то неудачное. Так вот, на мой взгляд, эта работа [С. С. Алексева] об общих дозволенных, общих запретах и зеркальной связи дозволений и запретов есть тот инструмент, который как раз ту самую гуманистическую сущность права и позволяет реализовывать. По делам об авторских правах, о защите персональных данных, о защите достоинства, особенно в делах о спорах с государ-

ством, этот инструмент обязательно нужен. От него зависит бремя доказывания того, кто, что, кому адресован либо общий запрет, либо общее дозволение. Тут – зеркальные связи, и отсюда зависит, кто и что должен доказать. Сплошь и рядом у нас по различным категориям этих дел, которые я назвал, наоборот, лицу, чьи права ущемлены, права абсолютные, как мы говорим, приходится доказывать, что оно не верблюд. Примеров таких дел можно приводить очень много, и в статьях это делается. Но сплошь и рядом приходится напоминать о Святой Троице, как это называл Сергей Сергеевич: право, обязанность, запрет на определенные действия, и четко определить, про какое деяние у нас спор и какие юридические факты его порождают. Слова «юридический факт» у нас как-то судьи не то что понимают или не понимают, а просто приходят в ярость от того, что при них такие слова незнакомые употребляют. Так что это все – большая проблема, и она связана и с практикой, и с образованием. И отсюда – задача, чтобы читали Сергея Сергеевича Алексева. А для науки эта задача состоит в том, чтобы научные идеи Сергея Сергеевича Алексева и многих других – Сергей Сергеевич здесь все-таки стоит особняком, он – великий: у него настолько ясные и понятные конструкции созданы – превратить в воспроизводимые действия, то есть превратить науку в технологии. И здесь не надо разделять науку и технологию: на этом пути перевода юридических конструкций в воспроизводимые действия практикам надо решать многие научные задачи. Сегодня даже в дискуссии прозвучало у Владимира Николаевича [Синюкова] интересное высказывание про дисбаланс элементов механизма правового регулирования. Но ведь здесь и научные задачи возникают, чтобы эти элементы механизма правового регулирования были сбалансированы, чтобы, например, судебное правотворчество было не *contra legem*, а как субсидиарная форма права для преодоления пробелов, коллизий, конкретизации норм права с оценочными понятиями.

И вот последний момент. Чтобы от догмы права перейти к вопросам о ценности права и к другому периоду научной деятельности Сергея Сергеевича Алексева, я как-то больше склонен здесь придерживаться мнения Владимира Николаевича, хотя тут есть, наверняка, разные точки зрения, и говорить о верности той или иной из них мне не пристало. Но у нас ведь множество норм права с оценочными понятиями, и здесь как раз востребованы идеи Сергея Сергеевича Алексева о ценности права, о взаимосвязи нравственности и права. Вот они и реализуются через судебское усмотрение. Но здесь другая проблема: как не знают догмы права – что такое юридические факты, что такое фактический состав, так сплошь и рядом не могут реализовать этот потенциал индивидуального правового регулирования, который адресуется судьям законодателем. Речь идет о переходе от догмы права к тому, что нужно реализовать потенциал судебного усмотрения. Это в работах и Владимира Борисовича Исакова, и Николая Александровича Власенко хорошо расписано.

Вот на эту диалектику как-то мало обращают внимание даже и некоторые ученые, я встречался с этим, но практики сплошь и рядом теряются, если у них нет конкретного шаблона, когда они самостоятельно должны определять фактически обстоятельства дела. Время от времени у нас есть такие образцы в актах Верховного Суда, Конституционного Суда. Формула «суд не должен ограничиваться формальными условиями применения нормы права, а должен исследовать фактические обстоятельства дела» – это не совсем корректная формулировка правила о том, что нужно как-то индивидуальные обстоятельства дела определять в соответствии с оценочными юридическими фактами, которые их образуют, – так точнее, по Владимиру Борисовичу [Исакову]. И здесь большая растерянность возникает у судей. А вот если бы почитали они Алексева, то, глядишь, и поняли бы, что должны они самостоятельно решать. И вот здесь соединение того, что мы иногда разделяем в творчестве Сергея Сергеевича Алексева. В практическом плане это была бы именно гармония, а не разъединение каких-то этапов его научной деятельности. Поэтому книга Алексея Павловича, она – в нужном направлении, поэтому большая благодарность ему за эту книгу! Благодарю за внимание.

Грибанов Д. В. Сергей Борисович, спасибо большое. Уважаемые коллеги! Слово для выступления предоставляется Светлане Эдуардовне Либановой, профессору кафедры конституционного права нашего университета, доктору юридических наук. Прощу, Светлана Эдуардовна.

Либанова С. Э. Спасибо, я пришла послушать, пообщаться, поблагодарить лично. Но вот настолько меня это заинтересовало, вдохновило и вызвало живой интерес, что не могу не сказать и постараюсь быть краткой. У меня семь ключевых моментов. Во-первых, большое человеческое спасибо Алексею Павловичу. Я тоже уже давно вас знаю, наблюдаю. И я восхищена тем, что Алексей Павлович – это тот человек, который 800 страниц написал не о себе, а о своем учителе. И причем он написал о нем в двух аспектах, я бы сказала. Но в связи с тем, что он до мозга костей ученый, теоретик, он посвятил свой труд анализу научных трудов. То есть на этой базе представляете, сколько можно написать научных работ, защитить диссертаций, уже даже не читая 10 томов Сергея Сергеевича Алексева, а прочитав труд Алексея Павловича! Это – вклад в будущее.

А по поводу того, что непонятно, трудно, не для сегодняшних студентов... А вы знаете, а может, и не надо сегодня. Вот мы сегодня с вами здесь; студенты, которые есть сегодня, да, у них клиповое образование, а это – не видео, это не развлекуха. У меня такое ощущение, что это – вдолгую, вот про нетленку уже говорили, присоединяюсь. Это – на будущее, когда время пройдет, произойдет переоценка ценностей и все вернется к истокам. А вот это – истоки, это основы, это постулаты, это Кант; его принципы – это основа всего. И неспроста оно цитируется и Сергеем Сергеевичем Алексеевым, и очень глубоко и подробно анализируется. И присутствующие здесь мэтры теории уже об этом сказали. Поэтому у меня сложилось такое личное впечатление, что это – великий труд о Сергее Сергеевиче Алексееве, который копился всю жизнь, за пять лет написан. Это – труд, опережающий время, смену власти, смену направлений, смену образования, его уровня и системы. Это концептуальный труд, опережающий время, о великом ученом – это труд именно Алексея Павловича. И поэтому благодаря Алексею Павловичу сегодня в РПД можно будет включать его работу, заинтересовывать студентов в изучении трудов Сергея Сергеевича, которые написаны ранее, за пределами разрешенного к включению в РПД срока, но сохраняют свою непреходящую фундаментальность и актуальность.

Второй мой пункт – это большое спасибо моей альма матер в лице кафедры теории государства и права, заведующему Дмитрию Владимировичу за то, что – лето, суэта, экзамены, а мы сегодня, да, как совершенно справедливо сказал профессор Казанцев, я его позволю себе повторить, все отставили и празднуем юбилей. И вот этот выдающийся, значимый, полезный и, я бы сказала, такой стоящий труд будущего собрал здесь нас. И это правильно!

Грибанов Д. В. (реплика). А рядом стройка идет: возводят памятник Сергею Сергеевичу.

Либанова С. Э. Мы мыслим в одном направлении... И памятник, который возводит Юридический университет, и 10-томник Сергея Сергеевича Алексева, и это вот книга, 806 страниц, все запомнили сразу, как 206 поправок к Конституции, это книга Алексея Павловича. И поэтому, на мой взгляд, все это говорит о том, что возводимый сейчас памятник будет стоять вечно для будущих поколений. И даже если они не прочитали Алексева или сложно им будет, то они найдут этот труд, он более свежий, и книгу Алексея Павловича посмотрят.

А тот, кто знает Алексева, скажет, что он такой колоритный, высокий, стройный, красивый и что он писал грандиозные вещи. А сегодня пишут о нем. И кто-то не поленится 806 страниц написать – так скажут думающие люди.

Следующий пункт: мы сегодня слушаем, думаем, осмысливаем. Мы осмысливаем то, что читали раньше; мы осмысливаем, как это осмыслил Алексей Павлович, и мы осмысливаем, как это даже сегодня присутствующие здесь говорили, и те, кто еще про-

читают в будущем, и те, кто выскажет свое мнение, хоть восхищаясь, хоть критикуя. И это все мыслительные процессы, и значит, труд живой, живой потому, что живые эмоции. И вот перед нами эти два, как я сказала, рукотворных труда. И теперь, наверное, остановлюсь на вопросе о критике. Это – равнодушие, это заинтересованность. Но опять же, я уже вторая, кто спрашивает: а уместна ли сегодня критика, как сказал профессор Митин? Я скажу: а вы напишите столько не о себе, а вы напишите по-другому, а вы вставьте, что вы хотите. То есть, обсуждая этот титанический, на мой взгляд, труд, уже сегодня можно сказать – великий труд, мы фиксируем факт: сделано великое дело! И за это – большое человеческое спасибо! А что касается того, чего кому-то не хватает, то это как раз поле, как мы говорим на диссовете, для следующей диссертации, для следующих трудов. Дерзайте! Обсуждаемая сегодня книга – это первый камень в фундаменте научного памятника С. С. Алексею и одновременно пример того, как мы могли бы о своих учителях писать – правильно, красиво и вдолгую. Вот за это тоже большое спасибо, и кому надо, это поймут.

И еще один момент, у меня еще два пункта осталось. Меня очень заинтересовал важный аспект, как я сказала (великие ученые тут уже сказали про теорию, про права, про разделение с государством), я это прочитала и тут цитирую. Профессор Поляков упомянул, что как раз в мае мы обсуждали законность судебного решения. Это – закономерность, или это – случайность? Мне пришлось помочь ему доказать, что на сегодняшний день это – случайность, потому что нет системности понимания права, правоприменения – того, которое было заложено в учении Сергея Сергеевича Алексева. Ну, и поэтому мы имеем такие результаты, такое отношение к судебной системе.

Так вот, меня заинтересовали еще два аспекта. Первый – про правовую культуру, про социальное развитие и про то, что это – социальная система. Нет этого в системе, в которой мы живем. Второе. По поводу романтизма. Очень приятно было, что Сергей Васильевич Запольский упомянут был и по поводу самой категории, как мы говорим, самого определения романтизма. И мне очень понравилось, как Сергей Васильевич сказал, что этот человек [С. С. Алексев] пронизан романтизмом. Как очевидец, могу это подтвердить. Мне посчастливилось учиться в то время, когда преподавал Сергей Сергеевич Алексев. Это было давно, меня это не смущает. Восемьдесят первый год, когда мы в очереди стояли за учебником красненьким, тоненьким таким вот, он прямо весь был в жирненьких ручках, замыленный: не все слова прочитывались, но он был очень тонкий, очень конкретный и очень предметный. И систематизировал те знания, которые давали целый год другие преподаватели, в теорию государства и права. И не могу не упомянуть моего дорогого учителя Анатолия Степановича Шабурова, которого мы в субботу очень ждем на вечер встречи выпускников, на 40-летний юбилей. Вот он нам преподавал. Но чтобы ему сдать, мы читали-то Сергея Сергеевича Алексева. Сергей Сергеевич Алексев пронизан романтизмом. Ну, представьте, каково идти в горы, ему ведь лет-то не мало было. ...И живо вспоминается его доступность, человечность, открытость, это – живая легенда. Мы знали, что это *сам* Сергей Сергеевич Алексев. Уже на первом курсе нам показывали его учебник, тот самый, за которым студенты выстраивались в очередь. Смотрите, преподаватель написал такой замечательный учебник, а у него авоська, и из нее торчат морковка и свекла. Никаких понтов, извините меня, ничего. Вот он спокойненько идет. Потом оказалось: турист, альпинист, скалолаз и спортсмен. Перед нами предстала натура, полная романтизма, пронизанная настоящим духом жизни. То, что он скучный и грустный был? Вы знаете, у меня другое ощущение сложилось: нет, и не суровый он был, он был задумчивый, находящийся на своей особой волне. И он, конечно, опережал пространство и время. Ну, а на 100-летие [УрГЮУ] вспоминали, действительно, прошлое, а он, действительно, был немножко подавленный, притихший такой – и это при его статусности, значимости, уважаемости! У меня был спор на кафедре Кутафина в Российском институте правосудия, и он уже шел прямо на эмоциях. И последний мой довод был там (перед защитой моей диссертации, сама нарвалась на конструктив) такой: а вы знаете, у меня школа Сергея

Сергеевича Алексева. И по поводу эволюции прав я знаю не понаслышке, а от самого Сергея Сергеевича Алексева.

Ну, и последнее, чем я хочу закончить, – про человечность, про эти вот воспоминания, про то, что сегодня в такой день, допустим, я лично не могла не присутствовать. Мне очень повезло в жизни: я уже рассказала кулуарно, что я поцелована Сергеем Сергеевичем Алексевым. Это было проявлением его любви к спорту, его любознательности. Видите ли, на первом курсе института был у нас слет отличников. Я рассказывала, как мне спорт помогает учиться на одни пятерки. И упомянула, что я кандидат в мастера спорта по плаванию. Сергей Сергеевич Алексей, при своей статусности, вышел, обошел трибуну, подошел ко мне и поцеловал мне руку. Ну, просто я замерла, хотя не робкого десятка девушка. Но это же сам Сергей Сергеевич, и он сказал, что никогда бы не подумал, что такая хрупкая, миниатюрная девушка, и вот – кандидат в мастера спорта по плаванию. Тогда я поняла, что он знает о плавании, знает, что это не для слабых. Но это была первая серия. На вторую я, конечно, была с этим послевкусием и, кстати, оно чувствовалось не только на следующий день, оно осталось на всю жизнь. Я этим хвастаюсь, простите за нескромность, но на следующий день нас было 375, с трех факультетов. Это, знаете, надо было видеть, в каком я была шоке, когда меня искали: покажите, кто это? Кто эта Либанова, и неужели ее поцеловал Сергей Сергеевич? Они у меня спрашивали: что, это правда? Тебя Сергей Сергеевич поцеловал? Мы не уточняли, как, куда, но я с гордостью говорила: да! Поэтому, еще раз, большое спасибо Вам, Алексей Павлович, долгих лет. Большое спасибо организаторам. Ну и тем, кто собрались и, действительно, оценили, взвесили, донесли полезность, еще позволили открыть какие-то грани таланта, научности, глубины выразить, осмыслить.

Ну, и последнее: а закончил-то он сказками. И вы понимаете, вот на 100-летие [УрГЮУ] мне опять же посчастливилось, и я, пользуясь его добрым отношением ко мне, спросила его: а почему сказки? А он мне сказал: Светочка, ну не всё ведь можно сказать в научной дискуссии, не всё покритиковать. А сказки – это же вечное, сказки, былины... Я спрашиваю: так это для внуков? А он отвечает: это для них и для следующих поколений. И тогда я поняла, что это даже более великая надежда, чем научные труды, – донести мировоззрение, донести ценности через такие вот сказки. Я вдруг вспомнила, как один мужик двух генералов прокормил. То есть все гениальное просто, в том числе для великих людей. И большое вам спасибо!

Грибанов Д. В. Спасибо большое. Уважаемые коллеги, я напоминаю, что регламент у нас теперь совсем коротенький, и надо, чтобы все успели выступить. Сразу же предупреждаю: Евгений Викторович Кныш сказал, что выступить он не сможет, но готова выступить Нина Владимировна Ядыкина. Поэтому мы ждем ее выступления вместо выступления Евгения Викторовича, по времени, имеется в виду. А сейчас слово предоставляется Алине Антоновне Соловьевой, доценту кафедры теории государства и права имени Сергея Сергеевича Алексева, кандидату юридических наук. Алина Антоновна, просим, даем пять минут.

Соловьева А. А. Уважаемые коллеги! Благодарю за возможность выступить. Рада приветствовать вас. Очень коротко, помня о регламенте, хотела бы включиться в дискуссию, которая началась на Алексеевских чтениях и, в общем-то, была анонсирована и продолжена на сегодняшнем мероприятии. Это как раз вопрос о том, был ли Сергей Сергеевич Алексей романтиком права. Вот здесь позволю себе не согласиться с Олегом Александровичем [Пучковым]. Этот параграф произвел особое впечатление, и хотелось бы несколько слов об этом сказать. Это страницы с 54-й до 82-й, цитирую по обсуждаемой работе. Представляется, что в ней не просто так этому вопросу уделено значительное внимание. И вообще, обсуждение его – это пример глубокого, всестороннего, исчерпывающего и подлинно научного анализа, обсуждения, причем с различных точек зрения, смысла самих понятий «идеализм», «романтизм», «реализм» применительно к правовой сфере. И, поддерживая выводы автора по этому вопросу, во многом соглашаясь с ними, хотелось бы, не ограничиваясь этим, продолжить и, может быть,

даже проблематизировать столь актуальные идеи. Вообще, мне представляется, что в связи с этим можно сформулировать два, конечно небесспорных, тезиса. Во-первых, если вспомнить, в истории, литературе, еще начиная с середины XIX века существует некий концепт не просто романтика, но романтика в неромантическую эпоху. Генрих Гейне по этому поводу писал, что тысячелетнее царство романтики кончилось, и видел себя последним и отрекшимся от престола сказочным королем. Думаю, что этот концепт имеет более глубокие корни. И можно вспомнить еще Платона, который тоже стремился воплотить свои идеи в политической жизни. Он дважды ездил на Сицилию. И помните, чем это закончилось? То есть это тоже был романтик в неромантическую эпоху. И второй тезис, также достаточно спорный. Считаю, что вообще все теоретики – романтики. То есть, как это в логике: не все романтики – теоретики, но все теоретики – романтики. И мы все, как теоретики, тоже романтики по определению. Теоретик не может не быть романтиком, так как имеет дело с идеальными объектами. И это отражено в Евангелии: «Блаженны невидевшие и уверовавшие». И идея романтизма в данном случае не в том, что все прекрасно, а в том, что все может быть, может стать лучше благодаря праву и что в самом праве есть то, благодаря чему всё может измениться к лучшему. И поэтому позвольте перефразировать знаменитую фразу: нет ничего романтического хорошей теории. Спасибо.

Грибанов Д. В. Спасибо, Алина Антоновна. В онлайн у нас записался выступить Вячеслав Владимирович Шаханов, доцент кафедры теории истории государства и права, Владимирский филиал РАНХиГС, кандидат юридических наук. Вячеслав Владимирович, вы с нами? Просим, у Вас пять минут.

Шаханов В. В. Да, да. Здравствуйте, уважаемые коллеги! Большой привет от моих коллег из Владимирского филиала РАНХиГС! Вот в обсуждении, точнее, в произведении эпитеты, которыми сопровождают характеристику личности Сергея Сергеевича Алексева люди, которым посчастливилось с ним общаться, я не поленился, их выписал: лицо интеллекта, дышал правом, многогранный, выстрадал право, гениальный методолог, мыслитель, философ права, человек с математическим складом ума, лирически настроенный человек, сильный человек, великий человек, великий романтик, созидатель, выдающийся правовед, человек высочайшей пробы, патриот, личность планетарного масштаба, бессребреник, человек-стержень... Вот я бы к этим эпитетам добавил еще два: вдохновитель и озаритель, и подкрепил бы свою мысль стихотворением. Сегодня у нас уже стихи звучали. Это будет уже такая хорошая традиция – выступить со своим стихотворением, посвященным Сергею Сергеевичу Алексеву.

Прошли Вы долгий путь земной,
Свершая восхождение,
Вершину права покорив
Не телом, а мышлением,
Познали самое святое,
Что есть у Бога на земле.
Сквозь время Вы прошли лихое,
Зажгли закона свет в бесправной мгле,
Структуру права описали
Блестяще, позитивно,
И грани все его познали
Логично, рефлексивно.
Оставив нам свое учение,
Шагнули в вечность навсегда.
Эх, нам бы Ваши озарения
Хотя б чуть-чуть, хоть иногда.

Уважаемые коллеги! Нам всем не хватает алексеевского озарения. Желая вам всем алексеевского озарения. Читайте Алексева, и озарение придет. Сергей Сергеевич – великий человек! Не нужно стесняться этого эпитета. Выражаю благодарность кафедре теории государства и права имени Сергея Сергеевича Алексева за сотрудничество с нашей кафедрой. Мы уже два года с вами организуем совместные мероприятия. Надеюсь, что это сотрудничество продолжится и в дальнейшем. У меня есть пара вопросов, но я их адресую письменно и отправлю на почту профессору Семитко Алексею Павловичу. Не буду отнимать у всех время. Большое спасибо. Я закончил.

Грибанов Д. В. Вячеслав Владимирович, большое спасибо за Ваше позитивное выступление, и в Вашем лице спасибо всей Владимирской области, а также РАНХиГС по всей России. Вы представили ее очень, очень достойно и красиво. Спасибо. Уважаемые коллеги! Слово для выступления предоставляется Татьяне Анатольевне Долгополовой, доценту кафедры теории истории государства и права юридического факультета СПбГУ, кандидату юридических наук. Татьяна Анатольевна, Вы с нами? Еще раз подчеркну, что никакого патриархального момента нет. Просто у нас сначала профессора выступали, потом доценты. Мне надо логику эту объяснить, чтобы не было такого впечатления, что сначала мужчины, а потом женщины. Кстати, да, Татьяна Васильевна [Кашанина] выступала как раз в серединке. Так, технические проблемы, тогда, уважаемые коллеги, слово предоставляется Эмме Файсаловне Шамсумовой, доценту кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, кандидату юридических наук.

Шамсумова Э. Ф. Добрый вечер, уважаемые коллеги! Я глубоко благодарна кафедре за такое мероприятие. Оно, действительно, знаковое для всей историко-правовой науки. Но особенно мне хотелось бы поблагодарить Алексея Павловича Семитко, который, безусловно, и я согласна с Александром Николаевичем [Митиным], совершил научный подвиг, прорыв. То есть, на мой взгляд, это такая фундаментальная работа, которая поможет всему будущему поколению, являясь неким справочником, что ли, подспорьем для работ аспирантов, соискателей, исследователей нового времени, чему будет способствовать удобная структура всего массива научного материала (работа имеет не только краткое оглавление, но и более подробное содержание) и глубина анализа идей, которые Сергей Сергеевич проводил в нашу действительность. Так что поклон большой и большое спасибо за ваш столь значимый труд.

Я хотела бы сегодня обозначить, наверное, только пару сюжетов. Что касается Сергея Сергеевича Алексева, мое знакомство с ним произошло на государственных экзаменах. Это был 1997 год. Наша группа Института юстиции сдавала государственные экзамены, и он был председателем нашей государственной экзаменационной комиссии. И что запомнилось? Именно та скромность, которая была ему присуща и о которой много говорит Алексей Павлович, здесь очевидно проявилась. И когда я прихожу в музей Сергея Сергеевича Алексева, я вижу фотографию, где он снят точно в той же синей, спортивной такой, кофте, в которой был у нас на экзамене (так что госэкзамены я всегда в музее вспоминаю). Вот это был первый сюжет.

А второй сюжет, который продолжает, наверное, наш разговор о его скромности, касается его документов. У меня в телефоне есть архивные материалы. Это автобиография Сергея Сергеевича. И здесь мы вновь наблюдаем, насколько этот человек скромнен, как он себя совершенно не возвышает рядом с другими. И, конечно же, по архивным материалам, как правило, фронтовики, характеризуя себя, пишут: был на войне, на таких-то фронтах и, соответственно, имею медали. А подробного списка этих медалей обычно нет, если мы говорим о фронтовиках, наших преподавателях, студентах и выпускниках. Всё это относится и к нашему Сергею Сергеевичу.

И Алексей Павлович, к Вам у меня был вопрос. Мы все прекрасно знаем, что в октябре 1945 года Сергей Сергеевич Алексеев был демобилизован и вернулся в Свердловск. Позже он в своей автобиографии про этот период пишет: «Правда, с опозданием на три месяца, но я поступил в Свердловский юридический институт». Ну и, собствен-

но говоря, как Вы считаете, вот помимо того 1937-го, который, безусловно, оставил неизгладимый след в памяти Сергея Сергеевича, что еще сподвигло его получить юридическое образование, стать юристом? Потому что, как я смею полагать, если бы Сергей Сергеевич не пошел в юриспруденцию, он стал бы замечательным философом. Если бы он не пошел в философию, он стал бы грандиозным публицистом. Но он пошел по раз избранному пути и стал великим юристом! Спасибо большое за внимание!

Грибанов Д. В. Спасибо, Эмма Файсаловна. Слово предоставляется Нине Владимировне Ядыкиной, доценту кафедры социально-гуманитарных дисциплин нашего университета, кандидату философских наук. Прошу, Нина Владимировна.

Ядыкина Н. В. Уважаемые коллеги! Я думаю, что основание моего появления здесь перед микрофоном заложили те, кто передо мной выступал. Вот прямо сейчас Эмма Файсаловна сказала, что, по ее мнению, у нее есть такой миф об Алексееве, что если бы он не стал юристом, он стал бы философом. Ну, а если говорить еще об одном выступающем, о профессоре Тарасове, то он сказал, что в восхождении от абстрактного к конкретному конкретной как раз является та часть наследия Сергея Сергеевича, которая называется философией права. И я помню, как в начале 80-х годов именно Сергей Сергеевич сподвиг мою коллегу по кафедре философии Изабеллу Павловну Малинову, которую неохотно пускали на защиту докторской диссертации именно по философско-правовым вопросам, активно поддержал. И можно сказать, что с профессора Малиновой, с благословения Сергея Сергеевича, у нас в вузе началась эпоха философии права. К сожалению, она сейчас закончилась, и у нас нет такой дисциплины, как философия права. И это, на мой взгляд, неприемлемо, если мы хотим развивать и продолжать наследие Алексеева. У нас должна быть такая дисциплина, у нас должна быть философия права! Это во-первых.

Во-вторых, мне очень понравилась идея Алексея Павловича о том, что Сергей Сергеевич есть платформа. Но что есть платформа? Платформа, как известно из АйТи, это базовая структура, такая технология, на которой строится и функционирует более сложная система. И если, опираясь на эту концепцию, прийти к выводу, что всё написанное Сергеем Сергеевичем может быть осмыслено методологически, то, например, его работа «Восхождение к праву» для людей, преподающих логику – а я отношусь именно к этой части преподавателей вуза, – это просто платформа, с которой удобно отправляться в мир логики. Потому совсем не случайно то, что если нажать “control F” в электронном варианте работы «Восхождение к праву», слово «логика» там выпадет несколько сотен раз. И Алексей Павлович подтверждает, что он это проделывал. Да, да, то есть около 300 раз, это совершенно очевидно. Но дальше встает вопрос: это рядовое слово или у Сергея Сергеевича была некая идея? По крайней мере, я для себя отметила разделение на формальную логику, о которой он говорит как об инструменте догмы права, и логику права. И у него эти два словосочетания совершенно по-разному употребляются, и к ним надо относиться совершенно по-разному и думать о них совершенно по-разному. Мне это очень помогает, поскольку логика есть пропедевтика некоторого вступления студентов юридического вуза в профессию, она преподается на первом курсе. Поэтому для меня здесь работы Алексеева – это некоторая опора. Мне надо как-то опираться не на Аристотеля, потому что к Аристотелю на первом курсе не обратится никто и никогда. А вот на работы Алексеева скорее, потому что, по крайней мере формально, это работа юриста, профессора, нашего современника. И это те работы, которые я могу позиционировать так, что они для их профессионализации имеют очень большое значение. Исходя из этого, можно существенно продвинуться в области преподавания логики. Студенты, в общем-то, реагируют на это положительно. Если в другую сторону посмотреть – на то, как развивать некоторые логические идеи в рамках той самой платформы юриспруденции от Сергея Сергеевича Алексеева, то я бы вспомнила, наверное, что «Восхождение к праву» побудило меня начать восхождение к логике. Потому что если начать изучать историю возникновения логической мысли и ее встречу с мыслью юридической, то становится понятно, что юридическая мысль

в какое-то время, впитав в себя логические конструкции, стала тем, чем она стала в виде догмы права. Но дальше она разрослась до такого масштаба, что сейчас уже это не те работы глоссаторов и постглоссаторов, по которым можно было изучать логику тогда. Сейчас расплодилось слишком много юридических текстов, и уже не хватает существующих логических инструментов для развития юридической мысли. Поэтому следует работать в этом направлении дальше. Сергей Сергеевич был очень покорён мыслью, которую ему профессор Лобовиков в свое время подсказывал, о том, что надо преподавать символическую логику, математическую логику. И даже есть в работе упоминание о том, что право – это математика. Студент первого курса, который слышит, что зря он пришел в юридический вуз, потому что здесь нужно иметь некоторые виды какого-то математического подобия ума, очень сильно расстраивается. Ну, от этого никуда не уйти. Как-то надо с этим смириться и продолжать работать. А развитие логической мысли имеет место. И есть даже уже работы, в которых развивается, например, теория определения. Потому что недостаточно тех правил, дефиниций, которые есть на сегодня, для того, чтобы как-то проанализировать и дать толчок дальнейшему развитию юридической мысли. Поэтому для меня работа Алексея Павловича в некотором смысле помощь и как преподавателю, и как человеку, который может ряд идей Сергея Сергеевича положить в основание думанья в области логической мысли. И, Алексей Павлович, большое спасибо, поскольку Вы мне сегодня целовали руку, и я буду считать, что это опосредованное целование [Сергеем Сергеевичем Алексеевым].

Спасибо большое, уважаемые коллеги, за прекрасное мероприятие!

Грибанов Д. В. Благодарим Вас, Нина Владимировна! Уважаемые коллеги, нужно подвести итоги и, естественно, сделать это предлагается самому автору – Алексею Павловичу Семитко. Пожалуйста, профессор.

Семитко А. П. Прежде всего хочу выразить колоссальную, фундаментальную благодарность всем, кто присутствовал и кто выступал. В каждом выступлении – новая грань Сергея Сергеевича, его личности, его творчества. И цель как моей книги, так и мероприятия, которое инициировано кафедрой теории государства и права, ее заведующим Дмитрием Владимировичем Грибановым, состоит в том, чтобы привлечь внимание к изучению трудов Сергея Сергеевича Алексеева. И эта цель достигнута, я так считаю.

Второй момент. Есть разные грани у Алексеева как личности, я об этом писал в работе, и сегодня мы услышали разные оценки и какой-то критический анализ его взглядов – это все абсолютно нормально, потому что в текстах Алексеева много слоев и может возникать разное их восприятие в разных контекстах. Это обогащает науку. И когда я писал книгу, я, конечно, восхищался и восхищаюсь своим научным руководителем, я безмерно ему благодарен за все, и сейчас просто нет времени, иначе я бы мог разные такие интересные жизненные ситуации рассказать, касающиеся его влияния на нас всех, которые не вошли в книгу... Когда я писал книгу, то постоянно думал: неужели у Сергея Сергеевича нет ничего такого в его работах, что можно было бы критиковать? Эта мысль была у меня постоянно, так сказать, в фоновом режиме. И я, к счастью, а может быть, к чьему-то сожалению, ничего такого не нашел. Понимаете? Я предоставляю право Николаю Николаевичу Тарасову, Владимиру Николаевичу Синюкову, Олегу Александровичу Пучкову – пусть они критикуют, но у меня не получилось, ну, не дорос я, не дорос до этого, должен честно сознаться в этом.

Еще я хотел бы выделить такие совершенно блестящие афоризмы, которые сегодня прозвучали. Я об этом не думал раньше. Татьяна Васильевна Кашанина сказала: «Эта книга – научный памятник Сергею Сергеевичу Алексееву». И затем последовало много комментариев в развитие этой идеи. Юридический университет в настоящий момент возводит памятник перед центральным входом, и мы слышали гул этой работы. Это – памятник в обычном смысле слова. А ту мысль, что создать книгу, символизирующую продолжение жизни, учения Сергея Сергеевича Алексеева, тоже было целью моей работы, прекрасно, афористично и красиво сформулировала Татьяна Васильевна.

Замечательно выступил и Владимир Владимирович Ярков, который показал, какую пользу для отраслевиков сослужили работы Сергея Сергеевича. И это вообще важнейшая задача теории, чтобы мы были нужны, и нужны, прежде всего, отраслевикам. И то, что такую пользу приносит теория права Алексеева, безусловно, вызывает большую радость.

И, наконец, большое спасибо Михаилу Федоровичу Казанцеву. И чтобы не подумали, что один хвалит другого, потому что... и так далее. Это, конечно, ведущий биограф Алексеева. И во время работы над книгой я с ним советовался. Его мнение было для меня очень важным критерием. Потому что, скажу просто, если у меня есть тысяча ссылок на работы Сергея Сергеевича, то второй автор по количеству ссылок – это Казанцев, его справочники, написанная им биография Алексеева, библиография, хронологический указатель и все остальное, что он сделал, описывая жизнь и деятельность великого ученого. Казанцев по ссылкам (их может быть не один десяток) – на втором месте. Это говорит о значении его работ, о вкладе, который сделал этот ведущий биограф Сергея Сергеевича Алексеева в увековечение его памяти.

Еще раз благодарю вас всех за выступления, за участие в нашем мероприятии и закончу свое краткое выступление прекрасными, афористичными словами Сергея Ивановича Архипова: «Вперед, к Сергею Сергеевичу Алексееву!»

Грибанов Д. В. Уважаемые коллеги, еще раз поблагодарим Алексея Павловича. Большое спасибо за его труд, который, действительно, еще откроет нам простор для дополнительной аналитической работы и работы практической с точки зрения развития науки, юриспруденции в целом, как я уже говорил сегодня, то есть не только теоретической юриспруденции. Это – во-первых. Во-вторых, большое спасибо Уральскому государственному юридическому университету нашему, который, как всегда, нас поддерживает, помогает кафедре, и сегодня мы организовали с его помощью это мероприятие. Здесь выражаю особую благодарность коллегам, принявшим в нем активное участие, всех я назвать не могу, но отмечу, что больше всех у нас работал Федор Викторович Фетюков. И Маргарита Сергеевна Антоненко тоже сыграла большую роль в подготовке мероприятия. Большое спасибо им, этим двум людям, которые внесли в это дело максимально возможный вклад организационного характера. И, в-третьих, будем продолжать дело Алексеева и не будем бояться этого слова – «великий» – в отношении нашего учителя Сергея Сергеевича Алексеева!

Уважаемые коллеги, всем большое спасибо!

Информация об авторах

Дмитрий Владимирович Грибанов, д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия).

Федор Викторович Фетюков, канд. юрид. наук, доцент кафедры теории государства и права, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия).

Information about the authors

Dmitry V. Gribanov, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Theory of State and Law Department, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia).

Fyodor V. Fetyukov, Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof. at Theory of State and Law Department, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia).

*Статья поступила в редакцию | Submitted 30.06.2025.
Принята к публикации | Accepted 31.07.2025.*